

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания

Рец Юлия Сергеевна
ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ:
СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА
(на материале языка идиш)

Выпускная квалификационная работа
студента магистратуры
«Теория и история языка и языки народов Европы»,
профиль «Теория языка. История языкознания.
Сравнительная поэтика»

Научный руководитель: д.ф.н., доц.
Е. В. Горбова

Рецензент:

д.ф.н., доц. Д.Д. Пиотровский

СанктПетербург

2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Работа посвящена исследованию семантики и прагматики дискурсивных маркеров в языке идиш. Под дискурсивными маркерами мы понимаем незначительные лексические единицы, обладающие способностью структурировать дискурс. В качестве дискурсивных маркеров в идише могут выступать вводные слова, устойчивые словосочетания, междометия, частицы и союзы.

Существуют разные подходы к изучению дискурсивных маркеров и множество дискуссионных, нерешенных вопросов. Первая проблема связана с критериями, которые позволили бы разграничить дискурсивное и недискурсивное употребление языковых единиц, если такое разделение возможно. Ряд работ последнего десятилетия доказывает, что многие явления, в том числе в грамматике, подчинены дискурсивной природе языка (см. например, [Плунгян 2008; Падучева 2008]). Другая, не менее существенная проблема – это вопрос о соотношении семантики и прагматики языковых единиц при дискурсивном использовании.

Актуальность выбора темы определяется тем, что в современной лингвистике наблюдается все возрастающий интерес к изучению средств дискурсивного маркирования. Дискурсивные маркеры традиционно становятся объектом прагматических исследований из-за специфики их вклада в интерпретацию предложения, а также дискурсивные маркеры, несомненно, представляют интерес для семантистов в силу «размытости» и «неуловимости» значений, выражаемых этими единицами. Вопрос о соотношении семантики и прагматики для этих языковых единиц далек от разрешения. Кроме того, функционирование дискурсивных маркеров в каждом языке имеет свои особенности. В нашей работе

предпринимается попытка комплексного описания дискурсивных маркеров в языке идиш с учетом их семантики и прагматики, а также выявляется инвентарь лексических средств дискурсивного маркирования с учетом их роли и особенностей функционирования в тексте.

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые предпринята попытка комплексного семантико-прагматического описания дискурсивных маркеров в языке идиш.

Объектом исследования являются дискурсивные маркеры как система разнородных единиц, объединенных общими функциями и прагматическими свойствами.

Предмет исследования – семантические и прагматические аспекты функционирования дискурсивных маркеров в идише.

Целью работы является описание дискурсивных маркеров в языке идиш, выявление круга значений, которые актуализируются в определенных контекстах, а также описание их семантики и прагматики.

В работе ставятся следующие **задачи**:

- 1) проанализировать и обобщить существующие теоретические исследования, посвященные дискурсивным маркерам;
- 2) предложить теоретические обоснования для выделения дискурсивных маркеров;
- 3) выявить и описать дискурсивные маркеры в языке идиш;
- 4) выявить стратегии использования дискурсивных маркеров в идише.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в результате исследования уточняются формальные критерии для отнесения лексики к дискурсивным маркерам, выявляются противоречия в трактовках сущности дискурсивных маркеров разными

научными школами; предлагается собственное решение проблемы на материале языка идиш на основании семантических и прагматических свойств изучаемых языковых единиц. Результаты исследования способствуют развитию общей теории дискурса.

Практическая значимость работы заключается в том, что она может быть использована в лингвистических курсах по теории дискурса.

Промежуточные результаты исследования были представлены на конференциях: 1) «Иврит и идиш: проблемы образования и культуры» (20-21 ноября 2014, СПбГУ – доклад «Дискурсивные маркеры в языке идиш»); 2) XLIV Международная филологическая научная конференция (СПбГУ, 10-15 марта 2015 – доклад «Источники происхождения модальных частиц в языке идиш»); 3) XX открытая конференция студентов-филологов (17-21 апреля 2017, СПбГУ – доклад «Роль дискурсивных маркеров в организации художественного текста».

Теоретическая база работы. Данная работа опирается на исследования в области теории дискурсивных маркеров, теории интерпретации текста и теории значения, на изучение прагматики. Мы обращались к работам по описанию дискурсивных маркеров в русском, немецком и английском языках, а также к статьям, посвященным описанию отдельных дискурсивных маркеров в языке идиш.

В работе используются различные **методы**, в частности, описательный метод, метод контекстно-семантического анализа, метод прагматического анализа текста. Для анализа дистрибуции дискурсивных маркеров в тексте использовался метод сплошной выборки.

Работа реализована на следующем **материале**. Для выявления контекстов, формирующих область значений, выражаемых дискурсивными маркерами, использовался Корпус языка идиш <http://web-corpora.net/YNC/> объемом около 4 млн. словоупотреблений, созданный в рамках совместного проекта РАН и университета Регенсбурга. Мы также опирались на собственную картотеку, созданную на основе художественных произведений.

Структура работы: данная работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Во введении раскрывается актуальность темы исследования, определяются его цели и задачи, раскрывается теоретическая и практическая значимость, а также перечисляются методы и дается информация о теоретической базе исследования.

В первой главе рассматриваются основные дискуссионные вопросы, связанные с изучением дискурсивных маркеров: 1) проблема определения и объема понятия «дискурсивный маркер»; 2) проблемы классификации дискурсивных маркеров; 3) обсуждается проблема семантики и прагматики дискурсивных маркеров.

Во второй главе обсуждаются традиционные подходы к описанию дискурсивных маркеров в грамматиках языка идиш, приводится инвентарь дискурсивных маркеров идиша, выявленный на основании лексикографических источников и Корпуса языка идиш, а также подробно обсуждается проблема дискурсивного и недискурсивного употребления языковых единиц.

В третьей главе предлагается классификация выявленных в языке идиш дискурсивных маркеров по функционально-семантическому признаку, определяются основные характеристики выделенных групп дискурсивных маркеров и анализируются прагматические свойства

дискурсивных маркеров. В качестве иллюстрации возможного употребления дискурсивных маркеров проводится анализ авторских стратегий их употребления на примере текста из романа Шолом-Алейхема «Тевье-Молочник» и рассказов «Если еще не выше» и «Бонче-молчальник» И.-Л. Переца.

В заключении представлены основные результаты исследования, сделаны выводы и определены дальнейшие перспективы изучения избранной темы.

Глава 1. Теоретические положения

1.1. Основные подходы к описанию дискурсивных маркеров

Проблема изучения дискурсивных маркеров как «формальных экспликаторов» связей в структуре дискурса привлекает все большее внимание лингвистического сообщества.

Термин «дискурсивные маркеры» применяется к грамматически неоднородному классу языковых единиц, объединенных общими функциональными особенностями. Основной задачей этих единиц является обеспечение связи между элементами дискурса и выражение отношения говорящего к положению дел или к высказыванию собеседника. Элементы, входящие в этот класс, разнородны: это могут быть союзы, наречия, модальные частицы, лексемы, словосочетания, и клаузы.

Объединение данной группы разнородных языковых единиц в один класс вызывает у некоторых исследователей возражение. Так, Д. Блейкмор считает, было бы более уместно говорить о дискурсивном или не-дискурсивном употреблении языковых единиц [Blakemore 2002]. Более того, анализ дискурсивной лексики языка идиш наводит на мысль о том, что степень «дискурсивности» того или иного элемента – явление градуальное. Одни элементы обладают большей склонностью к дискурсивному употреблению, чем другие.

Объем и частеречный состав дискурсивной лексики варьирует от языка к языку, однако хотелось бы не согласиться с утверждением некоторых исследователей, что дискурсивная лексика лингвоспецифична и с трудом поддается переводу на другой язык [Массалина 2009: 66]. Это утверждение, на наш взгляд, верно лишь для части дискурсивной лексики, а именно, для «десемантизированных» единиц: таких, как частицы. Сложности также возникают при переводе

устойчивых фразеологических оборотов буквальный перевод которых с языка на язык бывает затруднителен, однако эта категория не относится к ядру класса дискурсивных маркеров.

При обсуждении теоретических подходов в качестве иллюстративного материала мы будем приводить примеры из английского, русского и немецкого языков, предполагая, что принципы функционирования дискурсивных маркеров для этих языков в основном совпадают. Лингвоспецифические ситуации будут оговорены отдельно.

Считается, что дискурсивные маркеры представляют собой открытый класс. Во всяком случае, попытки создать закрытый перечень на данный момент не увенчались успехом [Jucker 1993: 436; Blakemore 2002: 229].

Отсутствие общепринятой терминологии и договоренности в отношении использования данного термина привело к появлению целого ряда альтернативных терминов для обозначения этого явления: дискурсивные маркеры [Кибрик, Подлесская 2006; Падучева 2008; Кибрик 2009; Blakemore 2002; Zeevat 2003], дискурсивные слова и дискурсивные частицы [Баранов, Рахилина, Плунгян 1993; Киселева, Пайар 1998; Aijmer 2002; Томмола 2008; Малов, Горбова 2007], модальные частицы и модальные слова [Виноградов 1947; Schourup 1999; Abraham 1991; Bross 2012], логические частицы, прагматические маркеры [Schiffrin 1988; Fraser 1999], дискурсивные коннекторы [Blakemore 2002], ключевые маркеры, прагматические выражения [Erman 1987, Knott, Dale 1994; Redeker 1990]. Такое разнообразие в терминах, с одной стороны, является следствием разнообразия подходов к изучению и описанию дискурсивных маркеров, а с другой – приводит к тому, что объем понятия дискурсивных маркеров

варьируется от исследования к исследованию. В результате под одним и тем же названием часто фигурируют близкие, но не идентичные явления, либо для одного и того же явления используются синонимичные термины, что затрудняет работу в данной предметной области и затемняет понимание этого явления.

Итак, приведем расшифровку терминов, которые созвучны, но, тем не менее, не идентичны:

- «дискурсивный маркер» – термин используется в работах отечественных и западных лингвистов как гипероним для дискурсивной лексики. Б. Фрейзер употребляет этот термин в несколько ином, ограничительном значении, обозначая им подкласс прагматических маркеров [Fraser 1999];

- «дискурсивное слово» – этот термин используется французскими, российскими, финскими лингвистами. Является гиперонимом для дискурсивной лексики. В работах отечественных лингвистов часто заменяет синонимичный ему термин – «дискурсивный маркер». Выбор того или иного термина обусловлен, скорее, традицией научной школы, чем содержательными критериями. В немецкоязычной литературе используется аналогичный термин (*modalwörter*), в объем данного понятия обязательно включаются модальные частицы;

- «модальное слово и модальная частица» – как правило, эти термины используются в паре. Традиция употребления восходит к работам В.В. Виноградова [Виноградов 1947]. Противопоставление терминов является значимым и указывает на статус языковой единицы: знаменательное слово или частица. Аналогичный термин в англоязычной литературе (*modal particles*) используется для обозначения немецких модальных частиц;

- «прагматические маркеры», «иллокутивные маркеры», «ключевые маркеры», «коннекторы» (pragmatic markers, illocutive markers, cue markers) – эти термины используются в работах, рассматривающих дискурсивные маркеры с прагматической точки зрения или с точки зрения функционирования маркера в дискурсе. Как правило, термин «прагматический маркер» является синонимом термина «дискурсивный маркер» и «дискурсивное слово».

В нашей работе мы приняли решение использовать термин «дискурсивный маркер» как наиболее нейтральный и позволяющий отразить сущность исследуемого явления.

Первоначально интерес к дискурсивным маркерам возник в рамках изучения дискурса. Открытию явления дискурса мы обязаны исследованиям У. Лабова и общему «прагматическому повороту» в лингвистической науке в 70-е годы. В центре внимания исследователя оказалась устная речь, и необходимо было разработать теоретический аппарат для ее описания [Плунгян 2008: 9]. Одно из первых упоминаний о дискурсивных маркерах как языковых единицах можно обнаружить в работе Лабова и Фэншела [Labov & Fanshel 1977: 156]. Исследователи обратили внимание на особое функционирование английского слова *well* в фразах, где *well* оказывалось в начальной позиции в высказывании. Эта традиция получила дальнейшее развитие в работах Левенсона [Levenson 1983], Цвики [Zwicky 1985] и многих других. Интенсивное изучение этой проблемы началось в 1980-х годах и продолжается в западной лингвистике по сей день. Оно представлено самыми разнообразными подходами: когнитивным, функциональным, прагматическим, семантическим. Исследования проводятся на материале разных языков, на материале корпусов письменных текстов и устной речи.

Задолго до появления термина «дискурсивный маркер» те единицы, которые мы сегодня относим к данной категории, изучались в другой своей ипостаси. Речь идет о работе В.В. Виноградова, который выделял отдельный класс модальных слов и модальных частиц [Виноградов 1947]. Независимо от В.В. Виноградова Антуан Кюльоли в конце 60-х разрабатывал проблему семантики «служебных» слов и многозначных лексических единиц в рамках созданной им «лингвистики высказывания» [Томмола 2008: 410]. Именно Антуан Кюльоли ввел понятие «дискурсивное слово» в научный оборот [Там же]. Этот термин используется и в двух коллективных монографиях, появившихся в результате работы совместного российско-французского проекта, возглавляемого К.Л. Киселевой и Д. Пайаром [Киселева, Пайар 1998].

Чтобы обозначить круг явлений, которые будут рассматриваться в данной работе, необходимо определить, что именно входит в понятие «дискурсивный маркер». К сожалению, надежных критериев для отнесения того или иного элемента к классу дискурсивных маркеров на сегодняшний день не существует. В целом имеющиеся подходы можно разделить на «широкий» и «узкий». «Широкий» подход предполагает включение в состав дискурсивных маркеров не только отдельных выражений и слов, но и некоторых грамматических категорий [Fraser 1999; Падучева 2008], а также нелексических способов передачи дискурсивных значений [Schiffrin 1988], таких как порядок слов, интонационное оформление и др.

Нужно сказать, что то, какие именно дискурсивные единицы попадают в поле внимания исследователя, обусловлено не только приверженностью автора к той или иной теории, но также материалом. Наиболее подходящим материалом для изучения функционирования дискурсивной лексики считается спонтанная речь. Однако ее изучение

сопряжено с рядом трудностей технического характера – в частности, большая трудоемкость при транскрибировании записи. Кроме того, общение с информантом неизбежно требует моделирования ситуации, в которой речь действительно будет спонтанной. В этом смысле изучение, например, диалогов наталкивается на определенные сложности. Поэтому многие исследователи идут традиционным путем исследования текстов. В последнее время, благодаря развитию корпусной лингвистики, и, в частности, созданию корпусов устной речи, стало возможно сопоставительное изучение письменного и устного дискурсов [Aijmer 2002].

Вопрос о соотношении устного и письменного дискурса достаточно актуален в случае с дискурсивными маркерами. Дискурсивные маркеры, как правило, считаются принадлежностью мира устного дискурса, письменный дискурс считается вторичным по отношению к устному [Кибрик 2009: 3]. Вопрос о соотношении устного и письменного дискурса дискутируется давно. Традиционно грамматика анализировала данные письменного языка, устная речь считалась менее достойной изучения как «испорченная версия» языка. Понимание того, что письменный язык не вполне тождественен устному пришло в 70-е годы XX столетия, когда языковедение обратилось к изучению реальной речи. Тем не менее это не привело к отказу от исследований на базе письменного корпуса текстов. Так, например, иллюстративная база «Грамматики-80» построена на материале художественной литературы [Шведова (ред.) 1980]. Чем отличается письменный модус от устного? И устный, и письменный дискурс – это проявления языка (А.А. Кибрик предлагает обозначать эти две репрезентации термином «модус»). Перечислим их основные различия. Во-первых, принципиально отличается скорость подачи материала. Спонтанная

речь порождается со скоростью на порядок выше, чем скорость письма или чтения. В результате спонтанная речь менее продуманна как в плане организации, так и в выборе отдельных словоформ [Кибрик 2009: 4]. Во-вторых, устная речь обладает рядом специфических свойств: в ней наблюдается 1) большая склонность к творческому словообразованию (в том числе в результате оговорок), 2) достаточно высокая степень самоповтора определенных конструкций, «клиширование», 3) в разговорной речи чаще нарушается традиционный, с грамматической точки зрения, порядок слов. Следующее, весьма важное различие, на которое указывает Кибрик вслед за Чейфом, это то, что предложение, традиционно являющееся объектом исследования для лингвистики, не может быть использовано как базовая единица для анализа устного дискурса. Устный текст – порождается «квантами». В устном тексте фрагментация отличается от фрагментации письменного текста. В устном тексте минимальная просодическая единица – клауза, в то время как в письменном дискурсе присутствует явление интеграции клауз в сложные предложения. И, наконец, устный дискурс располагает таким важным инструментом, как невербальные средства: мимика, жесты.

Тем не менее, несмотря на все различия, исследование дискурсивных маркеров на материале письменного дискурса представляется вполне перспективным. Дискурсивные маркеры не менее характерны для письменного дискурса, чем для устного. Причем имеется в виду не только художественная литература, где использование тех или иных дискурсивных маркеров может являться художественным приемом. Для научного дискурса использование дискурсивных маркеров также является важной частью репрезентации текста. Известно, что в Европе использование дискурсивных маркеров

получило широкое распространение лишь в эпоху Просвещения. Исследования И. Шильдта показывают, что частотность использования дискурсивных маркеров в немецкой прозе резко возрастает лишь в начале XVIII-го столетия [Schildt 1989: 154]. В.В. Виноградов также пишет о том, что в русском языке класс модальных слов заметно возрастает в XVIII-XX вв. [Виноградов 1947: 726]. Однако и до XVIII-го века дискурсивные маркеры, или некие близкие им по функциям элементы, использовались в традиционных текстах [Клейнер 2007: 22].

Рассмотрим основные подходы к описанию дискурсивных маркеров и определим критерии, позволяющие признать слово дискурсивным маркером. Как уже было сказано, есть узкий и широкий подходы к составу дискурсивных маркеров. В данной работе мы будем рассматривать только фрагменты письменного дискурса. Причем дискурсивные маркеры мы рассматриваем в узком понимании этого термина, т.е. нас будут интересовать лексемы, для которых употребление в качестве дискурсивного маркера регулярно и специфично. Теоретически, любое слово может быть употреблено вне своего «основного» эталонного значения, «переносность» значения является одним из сигналов дискурсивного употребления, однако это не делает данное слово дискурсивным маркером автоматически. Дискурсивное слово должно удовлетворять следующим условиям.

- 1) Дискурсивный маркер обеспечивает связность текста на уровне большем, чем клауза.
- 2) Дискурсивный маркер указывает на отношение говорящего. Отношение это может выражено в двух аспектах: 1) отношение к положению вещей (к пропозиции); 2) отношение к предыдущему высказыванию.

Эти два положения признаются сторонниками самых разнообразных концепций. Однако первый критерий признается, в общем, всеми авторами (даже теми, кто в процессе анализа конкретных случаев пренебрегает этим критерием), а второй критерий присутствует опционально (не обязателен). Некоторые исследователи выносят второй критерий (можно назвать его «комментирующим») за пределы дискурсивного маркирования, что, на наш взгляд, неправильно.

Дискурсивные маркеры становились объектом исследования в рамках следующих подходов: контекстно-семантического, прагматического, дискурсивного и когнитивного. Нет возможности четко разграничить эти подходы, так как исследования находятся, как правило, на стыке дисциплин. Исследования дискурсивных маркеров проводились на материале различных языков, в том числе, на материале экзотических языков [Schourup 1999; Schiffrin 1988; Blakemore 2002; Fraser 1999; Abraham 1991; Jucker, Ziv 1998], но лидирующее место по количеству публикаций, безусловно, занимает английский язык. Здесь мы рассмотрим несколько классификаций, предложенных в работах, ставших на сегодняшний день классическими. Соответствующие классификации были созданы применительно к английскому, русскому и немецкому языкам. нас будут интересовать следующие моменты:

- 1) какие типы лексики попадают в класс дискурсивных маркеров;
- 2) принципы классификации дискурсивных маркеров.

Мы проанализировали следующие классификации: В.В. Виноградова, Д. Шиффрин, Б. Фрейзера, Д. Блэкмор, Э. Цифонуна и классификацию, предложенную группой К. Киселевой и Д. Пайара.

Для наглядности результаты этого сопоставительного анализа представлены в *Приложении 1*.

Начнем с классификаций, предложенных Д. Шифрин, Б. Фрейзером и Д. Блейкмор, чьи работы в области изучения дискурсивных маркеров на сегодняшний день считаются основополагающими в западных исследованиях. Все три исследователя использовали в качестве материала английский язык и предложили три различные классификации.

Д. Шифрин рассматривала дискурсивные маркеры с точки зрения их функционирования в дискурсе. Основная функция дискурсивных маркеров, по мнению исследователя, – это их способность обеспечивать когезию текста на разных уровнях речи. Когезия здесь понимается как способность устанавливать связь между примыкающими единицами дискурса [Schiffrin 1988: 324]. В основе классификации лежит тип логического соотношения соединяемых клауз. Каждый маркер осуществляет связь на определенном уровне дискурса, всего же таких уровней пять: 1) пропозициональная структура; 2) структура действий (тип речевого акта); 3) структура чередования; 4) структура участников; 5) информационное состояние. По мысли Шифрин, каждый маркер «привязан» к тому или иному уровню речи, хотя может функционировать одновременно на нескольких уровнях. Концепция Шифрин неоднократно подвергалась критике в отношении того, каким именно образом распределяются маркеры по уровням речи [Redeker 1990: 368]. Так, Г. Ридекер, в целом принимая концепцию Д. Шифрин, считает, что дискурсивные маркеры являются лишь экспликаторами имплицитных когерентных связей, а не осуществляют сами эти связи. Несмотря на разногласия, исследователи этого направления признают, что дискурсивные маркеры, за исключением

нескольких единиц (таких, как *well, oh*), имеют «базовое» значение (core meaning) [Schiffrin 1988: 314], которое вносит свой вклад в процесс репрезентации высказывания, ограничивая количество вариантов возможной интерпретации. В состав дискурсивных маркеров Шифрин включала не только дискурсивные маркеры, имеющие лексическое выражение, но также и невербальные средства, такие как порядок слов, использование особых конструкций, интонационное оформление и т.д. Всего Д. Шифрин обследовала 11 дискурсивных маркеров: *and, because, but, I mean, now, oh, or, so, then, well, you know*. Однако исследователь полагает, что их распределение – архетипично. Вслед за Цвики [Zwicky 1985]. Д. Шифрин считает существенными для отнесения языковой единицы к дискурсивным маркерам следующие параметры [Schiffrin 1988: 328]:

- 1) синтаксическая отделенность от предложения;
- 2) использование в инициальной позиции;
- 3) наличие самостоятельного просодического контура;
- 4) способность функционировать как на локальном, так и на глобальном уровнях дискурса;
- 5) способность функционировать на разных уровнях дискурса.

Шифрин отмечает, что некоторые из дискурсивных частиц устанавливают отношения между «фактами» только на уровне семантики; другие дискурсивные маркеры устанавливают отношения между предложениями на логическом (эпистемическом) уровне и/или на прагматическом уровне речевого акта. Например, на прагматическом и на семантическом уровне функционирует *so*.

Классификация, предложенная Б. Фрейзером, существенно отличается от классификации Шифрин, однако их взгляды на функцию

дискурсивных маркеров в тексте совпадают. Фрейзер рассматривает дискурсивные маркеры с «грамматико-прагматической» точки зрения [Fraser 1999: 936]. В своих ранних работах Фрейзер называет дискурсивные маркеры «прагматическими формативами», позднее он заменяет это название термином «прагматические маркеры» [Fraser 1996]. По мнению Фрейзера, к дискурсивным маркерам должны быть отнесены только вербально выраженные единицы, «которые не вносят вклада в содержание пропозиции» [Fraser 1996: 168], но указывают на различные типы сообщений. Среди прагматических маркеров Фрейзер выделяет четыре класса: базовые маркеры, маркеры-комментаторы, параллельные маркеры и дискурсивные маркеры.

1) Базовые маркеры указывают на тип речевого акта, наклонение; базовые маркеры получают выражение при помощи «прагматических идиом» (*could you, would you*), а также наклонений глагола;

2) Комментирующие маркеры составляют отдельный пласт сообщения, некий «дискурс в дискурсе»; они «комментируют» базовое сообщение и включают: маркеры-комментаторы (*unfortunately*); эвиденциальные маркеры (*possibly, they say, I heard, that*); «формулы вежливости»: *If I am not mistaken, If you do not mind*.

3) Параллельные маркеры дополняют базовые сообщения. К ним относятся: вокативы, маркеры неудовольствия, маркеры солидарности: обращения по имени, (*my dear, frankly speaking*) и др.

4) Дискурсивные маркеры указывают на то, каким образом базовое сообщение связано с контекстом. В составе дискурсивных маркеров выделяются маркеры смены топика: *by the way*; контрастивные маркеры: *but, however, although*; детализирующие маркеры: *in other words, more than that, particularly, also, and, or*; маркеры вывода *so, accordingly*.

Вероятно, в основу классификации Фрейзера положен тот тип указания, который содержит дискурсивный маркер: базовые маркеры эксплицируют иллокутивный тип высказывания; комментирующие и параллельные маркеры кодируют как иллокутивную силу, так и соотношения пропозиций; дискурсивные маркеры – только соотношение пропозиций.

Эта классификация, в целом, выглядит логично и убедительно. Однако мы не можем согласиться с тем, что комментирующие маркеры выведены из состава «дискурсивных» маркеров.

Надо также отметить, что идея Фрейзера о том, что дискурсивные маркеры являются подклассом более обширного класса прагматических маркеров, находит соответствия в работах отечественных ученых. Например, Е.В. Падучева говорит о дискурсивных категориях, к которым она относит, среди прочего, определенные формы глагола, эгоцентрики и т.д. [Падучева 2008: 57].

В основе концепции Д. Блейкмор лежат положения теории релевантности, предложенной Д. Шпербером и Д. Уилсоном. Исследовательница посвятила этой теме множество статей и выпустила в 2002 г. монографию «Relevance and Linguistic Meaning: the Semantic and Pragmatic Discourse Markers» [Blakemore 2002]. Д. Блейкмор не считает, что дискурсивные единицы формируют отдельный класс языковых единиц (и здесь мы с ней согласны), но для удобства описания в ее работе используется термин «дискурсивные коннекторы» (discourse connective). Исследователь полагает, что дискурсивные маркеры не имеют «репрезентационного значения» и не участвуют в репрезентативном представлении предложения, но являются «инструкциями» относительно того, какой должна быть концептуальная репрезентация предложений [Blakemore 2002: 138]. Эту идею

Д. Блэкмор последовательно проводит в своих работах 1987, 1992, 1995, 2002 годов [Fraser 1999: 936]. Таким образом, Блэкмор рассматривает дискурсивные маркеры как выраженные с помощью лексических средств «указания» (инструкции) относительно того, какие ограничения должны быть наложены на контекст для его правильной интерпретации. Концепция Блэкмор предполагает четыре группы таких ограничений, которые налагаются на контекст с тем, чтобы он был «релевантным» [Blakemore, 1992: 138-141]:

1) *so, therefore, too, also* – указывают на присутствие некоторого положения, которое должно быть выведено из контекста;

2) *after all, moreover, furthermore* – усиливают выводы текущего дискурса;

3) *however, still, nevertheless, but* – указывают на противопоставление единиц;

4) *anyway, incidentally, by the way, finally* – определяют роль текущего высказывания по отношению к дискурсу.

В основе данной классификации лежит тип взаимоотношений между единицами дискурса, на которые указывает дискурсивный маркер.

До сих пор мы анализировали работы, выполненные на материале английского языка. Для перечисленных классификаций характерно то, что они не обращают пристального внимания на частеречную принадлежность языковых единиц, выступающих в качестве дискурсивных маркеров. Так, Д. Шифрин определяет *oh* и *well* как частицы. В других работах те же лексемы могут определяться как междометия. В целом, таксономическая нечеткость обусловлена тем, что применительно к английскому языку эти различия не столь

существенны. В случае с дискурсивными маркерами немецкого языка, которые представлены, в основном, модальными частицами, наблюдается иная ситуация. Поскольку модальные частицы имеют омонимы в других частях речи, часто синтаксическое положение определяет то, с каким именно значением языковой единицы мы имеем дело: с дискурсивным или с дескриптивным. Для нас описание дискурсивных маркеров немецкого языка представляет интерес, так как идиш генетически близок немецкому языку и в идише присутствуют дискурсивные единицы по форме аналогичные тем, которые обнаруживаются в немецком языке.

В приведенной в **Приложении 1** таблице, мы рассматриваем классификацию модальных частиц, предложенную Цифонуном [Zifonun 1997] и доработанную Г. Дивальд [Diewald 2007]. Эта классификация разработана на материале устной речи. В ее основе лежит характеристика воздействия, которое оказывают дискурсивные маркеры на контекст. Выделяются четыре группы (приводится по [Bross 2012: 184]):

- 1) модальные частицы, выражающие отношение говорящего / воспринимающего к полученной информации: *eben* 'только, именно, как раз', *vielleicht* 'возможно', *ja* 'да';
- 2) фокусные частицы, выделяющие фрагмент в высказывании: *ausgerechts* 'сразу', *sogar* 'даже, хоть', *vor allem* 'прежде всего, особенно';
- 3) интенсификаторы, усиливающие значение: *recht* 'вполне', *sehr* 'очень', *weitaus* 'гораздо';
- 4) частицы-связки, позволяющие соотносить текущую пропозицию с предшествующей: *erstens* 'во-первых', *allerdings* 'правда, конечно',

dennoch 'все-таки, тем не менее', *indessen* 'однако', *sonst* 'иначе, кроме того', *zwar* 'действительно, правда'.

Исследователи отмечают, что модальные частицы совпадают с другими лексическими категориями. Некоторые из них могут употребляться в качестве наречий или прилагательных, *aber* и *denn* используются как союзы, *ja* и *eben* – как «ответные» частицы, при ответе на вопрос [König 1997: 57; Bross 2012: 184]. Это замечание справедливо и для дискурсивных маркеров в английском языке. Другое важное наблюдение, разделяемое многими учеными, – неизменяемость частиц.

Обсуждению критериев, позволяющих отличить дискурсивные маркеры от других операторов, посвящено множество публикаций. Этот вопрос касается не только немецких модальных частиц. Фрейзер, Блейкмор и многие другие пишут, что важным критерием для идентификации дискурсивного маркера служит: 1) его тенденция к синтаксической обособленности; 2) то, что дискурсивный маркер не влияет на истинность / ложность предложения, и в этом смысле говорят о необязательности его присутствия в предложении. Хельбих предложил критерии, характеризующие модальные частицы немецкого языка [Helbig 1988: 34]¹.

- 1) Действие модальной частицы распространяется на все предложение, а не на его часть (этим отсекаются фокусные частицы).
- 2) Модальная частица не влияет на параметр высказывания «истинно/ложно», функции дискурсивного маркера относятся к коммуникативной сфере.

¹ Приводя здесь эти критерии, мы делаем допущение, что, по крайней мере, часть модальных частиц функционирует как дискурсивные маркеры.

- 3) Употребление большинства модальных частиц ограничено определенным типом предложения.
- 4) Модальные частицы невозможно подвергнуть отрицанию.
- 5) Частицы, составляющие «ядро класса» модальных частиц, не могут употребляться в инициальной позиции в предложении.

По поводу последнего пункта ведутся споры. На основании каких критериев нужно разграничивать центральную и периферийную группу модальных частиц? Выделяют ядро этого класса, представленное модальными частицами: *aber* 'но', *auch* 'тоже', *bloß* 'только', *doch* 'ведь', *eben* 'только, просто, лишь, именно', *eigentlich* 'на самом деле, очевидно, в действительности', *nur* 'только, лишь', *schon* 'уже', *vielleicht* 'возможно' и *wohl* 'вероятно'; и периферийный класс: *ganz* 'вполне, исключительно', *gerade* 'прямо', *gleich* 'прямо, ровно', *einfach* 'просто, лишь', *erst* 'только, лишь, исключительно' и *ruhig* 'просто, спокойно' [Helbig 1988:26; Diewald 2007: 118]. На примере конкретных текстов рассматриваются прагматические особенности употребления дискурсивных маркеров в художественном и научном тексте. При этом значение дискурсивного маркера рассматривается как его конвенциональное значение, а использование дискурсивного маркера в конкретном тексте – как актуализация этого значения в соответствии с задачами дискурса и целями коммуникантов.

Предложенная концепция явно имеет слабые места, так как есть свидетельства, что, например, *doch* 'ведь' встречается в инициальной позиции [Bross 2012: 185]. Очевидно, этот вопрос требует более пристального рассмотрения. Для нас приведенный пример важен тем, что показывает дистрибуцию дискурсивных элементов в зависимости от их свободы / несвободы в синтаксическом плане.

Обратимся к отечественным концепциям. В работе «Русский язык (грамматическое учение о слове)» В.В. Виноградов выделяет особый грамматический тип модальных слов. Автор пишет: «Грамматические отношения могут быть двоякого рода: либо объективно-синтаксически отношения между словами в словосочетании, в предложении, либо отношение всего высказывания или предложения к реальности, называемые субъективно-объективными или модальными» [Виноградов 1947: 725]. Модальные отношения могут выражаться грамматическими формами глагола или формальными показателями, а также «своеобразным «вводным» использованием как форм разных частей речи, так и целых синтагм, или даже предложений» [Там же]. В работе Виноградова большое внимание уделяется критерию разделения модальных слов и модальных частиц. По форме Виноградов выделяет три вида модальной лексики: 1) модальные частицы; 2) модальные слова; 3) модальные сочетания (фразеологические единицы). В связи с выделением модальных частиц обсуждается вопрос о синтаксической обособленности: «граница между модальными частицами очень неопределенна и подвижна» [Там же]. Виноградов отмечает, что «к некоторым группам модальных частиц меньше всего подходит название «вводных слов» и связанное с ним понятие обособленности вводного слова предложения» [Там же: 731]. Речь идет о единицах, которые интонационно сливаются со словосочетанием (синтагмой): *навряд, навряд ли, едва, едва ли, чуть не, чуть ли* и т.д. Он также выделяет переходный тип между модальными словами, наречиями и усилительно-ограничительными частицами: *просто, не то чтобы, прямо, равно, точно*. Для этих единиц характерны очень неопределенные оттенки модальных значений. Виноградов предлагает систематизировать модальные частицы на основе этимологии и

выделяет 9 групп. Однако помимо этимологического признака, в этой классификации явно присутствует параметр сферы действия модальной частицы, а именно: относится ли действие модальной частицы к предложению в целом, или же только к некоей его части.

В.В. Виноградов определяет модальные слова и частицы как лексико-семантический разряд слов, для которого характерно, что его единицы [Виноградов 1947: 725]:

- 1) стоят вне связи с определенными частями речи;
- 2) выражают модальность высказывания в целом или отдельных его компонентов, подчеркивают экспрессию отдельных частей высказывания;
- 3) находятся «вне предложения», лишь примыкая к нему (здесь Виноградов ссылается на Овсяннико-Куликовского), не являются членами предложения, даже служебными (Виноградов ссылается на Пешковского);
- 4) не вступают в связь с другими словами (т.е. не изменяются);
- 5) выделяются интонационно;
- 6) «модальные слова и частицы определяют точку зрения говорящего субъекта на отношение речи к действительности или на выбор и функции отдельных выражений в составе речи» [Там же: 725];
- 7) граничат с реляционными словами и частицами, но резко отличаются от предлогов и союзов своими синтаксическими свойствами.

Итак, формулировка, приведенная в пункте 6, совпадает с определениями, предлагавшимися западными учеными относительно «субъективной составляющей» функционирования дискурсивных маркеров в тексте. В.В. Виноградов ничего не пишет о связующей

функции модальных слов и частиц по отношению к дискурсу, что объясняется тем, что в 1947 году еще не было известно понятие «дискурса». Однако один из разрядов модальных слов, выделяемых Виноградовым на основании семантики, описывает модальные слова, которые могут содержать оценку «самого стиля, способа выражения», «стилистическую отметку говорящего лица», «оценку выбранной, принятой оценки речи». В эту категорию Виноградов включает *буквально, так сказать, собственно говоря, коротко говоря* и т.д. Единицы, относимые этим автором к модальным частицам, совпадают с теми единицами, которые сегодня называются дискурсивными словами, или маркерами. Всего Виноградов выделяет 12 разрядов модальных слов «по современному значению и употреблению» [Виноградов 1947: 736-737], см. **Приложение 1**.

Положения, предложенные В.В. Виноградовым, часто используются в качестве отправной точки при описании дискурсивных маркеров в современном русском языке [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993; Киселева, Пайар 1998]. Обратимся к более современной классификации дискурсивных маркеров, предложенной в монографии «Дискурсивные слова русского языка» [Киселева, Пайар 1998]. Авторы исходят из положений, предложенных Виноградовым для описания модальных частиц, однако разрабатывают собственную классификацию и язык описания.

Группа Киселевой и Пайара использует термин «дискурсивные слова», выделяя два характерных признака дискурсивных слов (далее – ДС)²: 1) ДС не имеют денотата в общепринятом смысле, их значения непредметны, их можно изучать только через их употребление; 2) ДС

² Термин «дискурсивное слово» является синонимом термина «дискурсивный маркер», принятого в настоящей работе. В дальнейшем, при описании концепции Киселевой и Пайара, мы будем пользоваться обозначением ДС.

устанавливают отношения между двумя и более составляющими дискурса.

Далее авторы предлагают перечень свойств, которые, с одной стороны, затрудняют описание ДС, а с другой – являются их характерной особенностью.

- 1) ДС не образуют естественный класс единиц. Элементы, попадающие в класс ДС, относятся к разным частям речи в традиционной классификации.
- 2) Своеобразие плана содержания ДС часто интерпретируется как отсутствие у этих единиц собственного значения, то есть как десемантизация слова в его дискурсивных употреблениях.
- 3) Для многих слов такого типа существуют наряду с дискурсивным и недискурсивные употребления.
- 4) Многозначность ДС по своим проявлениям отличается от полисемии имен и глаголов. Значения ДС – категория более субъективная, чем у однозначных глаголов [Киселева, Пайар 1998: 9].
- 5) Достаточно сложно провести границу между значением ДС и значением контекста. Многие ДС, особенно частицы, могут полностью «сливаться» с контекстом, дублируя семантику его отдельных фрагментов. Слиянию семантики ДС и семантики контекста способствует их формальное строение: в основном это одно- или двухсложные выражения, которые «не прерывают» интонационного контура.
- 6) Описание ДС требует более длинных контекстов.

7) Важно также обращать внимание на такой параметр, как «действующие лица» дискурса.

В монографии не уделяется специального внимания вопросу о частеречном статусе слов и частиц, так как он, по всей видимости, не воспринимается как важный. В статьях, вошедших в сборник, попадаются примеры дискурсивных слов, сфера действия которых распространяется, однако, только на именную группу (например, [Банно, Кодзасов 1998: 388], примеры с *уже*). С нашей точки зрения такие словоупотребления нельзя считать дискурсивными. Однако это положение требует дальнейшего уточнения и проверки на конкретном языковом материале.

О функционировании ДС авторы пишут, что важнейшей функцией ДС является организация дискурса. Причем авторы отмечают, что характерной чертой ДС является его широкая сфера действия, то есть воздействие ДС выходит за рамки той пропозиции, к которой оно относится. Классификация ДС при семантико-конструкционном подходе базируется на особенностях функционирования каждого отдельного слова с учетом разнообразия значений. Критерием отнесения слова к тому или иному классу является не только семантическая близость, но и общие особенности их функционирования.

Авторы выделяют 4 класса дискурсивных слов [Киселева, Пайар 1998: 31-32].

1. «Элемент-множество». К этому классу относятся слова, сопоставляющие элемент и множество (класс) элементов: *только*, *все* *лишь*, *все* *навсего* (ограничение); *по крайней мере*, *по меньшей мере* («предельные»).

2. «Реализация». Слова, вводящие в рассмотрение несколько реализаций одного положения вещей: *снова, вновь, заново, опять, еще раз, опять же, опять-таки; наоборот, напротив.*
3. «Установочная база». Слова, связанные с понятием установочной базы³: *кстати, впрочем, кроме того, да и, все же, все-таки, таки, все равно, как раз, именно.* Эти ДС указывают на то, что *p* является установочной базой по отношению к положению вещей *q*, которое изначально не независимо от *p*.
4. «Гарант». Слова, связанные с понятием гаранта⁴. ДС этой группы отличаются как типом гаранта, так и тем, каким образом, как «гарантированное» *p* соотносится с не-*p*: *небось, авось, пожалуй, что ли, конечно, разумеется, естественно; разве, неужели.*

Первые два класса выделяются на основании семантических признаков. Сюда попадают достаточно разнородные элементы, в том числе и такие, отнесение которых к дискурсивному классу не выглядит бесспорным. Третий и четвертый класс соответствуют способам построения дискурса.

По мнению авторов, их методология позволяет описывать функционирование ДС в терминах варьирования компонентов содержания. Руководствуясь этим подходом, группа Пайара и Киселевой составили научно-справочное издание, куда вошло 36 словарных статей, каждая из которых посвящена отдельному ДС (дискурсивному маркеру в нашей терминологии).

³ Установочная база – это фрагмент высказывания (целое высказывание) *p*, которое вводится в связи с некоторым положением вещей *q*, и является внешним по отношению к *q*. Т.е., установочная база *p* не содержится изначально в ситуации, а привносится в нее.

⁴ Гарант – субъект, берущий на себя ответственность за выделение *p* как истинного (адекватного) высказывания о некотором положении вещей.

Подведем промежуточные итоги. На основе анализа приведенных выше классификаций и подходов нам удалось выделить следующие критерии отнесения единиц к дискурсивным маркерам.

1. Дискурсивный маркер устанавливает связь между элементами дискурса и действует на уровне большем, чем клауза (это принципиальный критерий).
2. Дискурсивный маркер указывает либо на характер связи между фрагментами (подчинение, причина, объяснение, следование, следствие, вывод), либо выражает оценочный компонент высказывания (как эмоциональный, так и эпистемический). Некоторые дискурсивные маркеры могут сочетать оба этих свойства.
3. Языковая единица, используемая в качестве дискурсивного маркера, часто употребляется в своем «не-базовом» значении». Под «базовым» значением понимается значение омонимов дискурсивных маркеров в других частях речи (если таковые имеются).
4. Дискурсивные маркеры не имеют денотата в общепринятом смысле, их значения непредметны, их можно изучать только через их употребление. Дискурсивные элементы, как правило, в той или иной степени «десемантизированы», их «основное» значение «ослаблено». Значение языковых элементов, «предназначенных» для языкового маркирования, при дискурсивном употреблении претерпевает «деформацию» под влиянием контекста.
5. Дискурсивные языковые единицы достаточно частотны.

Также были определены проблемные вопросы, на которые на данном этапе нет возможности дать однозначный ответ. Во-первых, насколько принципиален критерий синтаксической обособленности для

того, чтобы признать слово дискурсивной частицей? Второй вопрос: следует ли относить к дискурсивным маркерам единицы, сфера действия которых относится лишь к части высказывания? На второй вопрос мы склонны отвечать скорее отрицательно, так как основным критерием для отнесения единицы к дискурсивным маркерам является ее способность обеспечивать связь на уровне большем, чем клауза.

Анализ классификаций дискурсивных маркеров, предложенных в посвященной данному вопросу литературе, позволяет сделать следующие выводы: большинство исследователей при создании классификаций опирается на функциональные (по отношению к дискурсу) характеристики дискурсивных маркеров. Тем не менее, полностью абстрагироваться от частеречной принадлежности и степени десемантизованности разных групп дискурсивных маркеров – не удастся.

В связи с этим можно было бы предложить две классификации, «ортогональные» друг другу: 1) по форме дискурсивного маркера (частица / отдельное слово / словосочетание) 2) по функционально-семантическому критерию.

1.2. Проблема соотношения семантики и прагматики дискурсивных маркеров

Вопрос о соотношении прагматики и семантики составляет предмет дискуссий уже несколько десятилетий. В целом, соотношение семантики и прагматики можно выразить следующим образом: семантика занимается тем, «что», сказано, а прагматика – тем, «как» сказано [Lions 1977: 132]. Создатель теории речевых актов Г. Грайс разграничивал значение и смысл высказывания [Грайс 1985]. Исследователь полагал, что существует конвенциональное значение языкового выражения (значение) и выводимое значение языкового, присутствующее в высказывании имплицитно (смысл, то, что имеется в виду). Содержание высказывания многослойно. Некоторые

слои содержания выражаются эксплицитно (в частности, пропозиция), но значительный пласт содержания оказывается выражен имплицитно, причем имплицитное содержание текста может быть как обязательным (принципиально важным для понимания), так и факультативным. Дискурс линеен по своей природе и говорящий должен определенным образом организовывать передачу содержания, распределяя информацию по эксплицитным и имплицитным слоям [Баранов 2007: 40-41]. Распределение семантической информации может регулироваться как грамматикой языка и лексическим значением слова, конвенциями об использовании того или иного выражения, так и сознательным выбором, намерением говорящего. В этом смысле говорят об интенциональности / неинтенциональности использования языковых единиц. Интенциональное (намеренное) использование относится к области изучения прагматики.

Дискурсивные маркеры, являясь единицами более или менее факультативными, могут использоваться в большей или меньшей степени сознательно. Разговорная речь предполагает скорее «невольное», «паразитическое» употребление дискурсивной лексики [Дараган 2000: 73]. В письменном дискурсе использование дискурсивной лексики может являться стилистическим приемом, но чаще вопрос об использовании дискурсивной лексики находится на периферии внимания автора. Выбор того или иного дискурсивного маркера в процессе порождения устного / письменного дискурса может обусловлен следующими факторами: жанровой спецификой текста, стилем разговора, эмоциональным напряжением говорящего и другими условиями.

Одной из характеристик дискурсивных маркеров является их «десемантизованность». Во всяком случае, исследователи говорят о том, что дискурсивные маркеры не имеют денотата в общепринятом смысле этого термина. Значение некоторых дискурсивных единиц может принципиально меняться в зависимости от контекста. В связи с этим говорят о дискурсивных маркерах как о единицах контекстуально зависимых, рассматривать которые

вне контекста невозможно. Вопрос о том, какой вклад вносят дискурсивные маркеры в высказывания, очень сложный. С. Левинсон в своей книге “Pragmatics” пишет, что дискурсивные маркеры содержат компонент значения, который «сопротивляется описанию в терминах истинное / ложное» [Levinson 1983: 127]. Подобную характеристику дает и Б. Фрейзер, описывающий дискурсивные маркеры как подкласс класса выражений, которые «вносят вклад в ту часть значения предложения, которая не оценивается в терминах «истинно / ложно» (non-truth-conditional sentence meaning)» [Fraser 1996: 186; Schourup 1999; Zeevat 2003]. Р. Столнейкер заметил, что некорректное употребление частиц *even*, *too*, *also*, *doch* и др. может привести к аграмматичности высказывания, но истинность / ложность высказывания от этого не меняется [Stalnaker 1978: 80].

Вопрос о природе значения дискурсивных маркеров становится важным аргументом в споре о «едином» лингвистическом значении [Blakemore 2002: 224]. Речь идет о предположении, разделяемом рядом исследователей, что помимо семантического значения, существует еще и поле прагматических значений. Специфический характер значений дискурсивных маркеров, по мнению некоторых исследователей, служит подтверждением того, что существует прагматическое значение в чистом виде [Blakemore 2002: 222]. В основе такого заявления лежит утверждение, предложенное Дж. Газдаром: «Прагматика – это значение минус семантика (условие истинности)» [Gazdar 1979: 37]. То есть прагматика занимается той областью значений, которая не охватывается семантикой. Сторонники этого подхода предлагают считать, что значение дискурсивных маркеров относится исключительно к области прагматики.

В качестве подтверждения этой мысли Д. Блейкмор приводит такой пример, заимствованный у Грайса [Blakemore 2002: 223]:

(1) *Oscar is here, but he forgot his calculator.*

В приведенном примере нет противоречия между пропозициями клауз. Однако использование контрастивного маркера *but* вызывает следующую цепочку рассуждений: мы можем думать о том, что если уж Оскар пришел, то он должен был взять с собой калькулятор. Лексическая единица *but*, имеющая в качестве «ядерного» значения контрастивный оттенок «отрицания», здесь не влияет на истинность высказывания, находящегося по отношению к *but* в левом контексте, но позволяет выразить несоответствие сложившегося положения дел «ожиданию» говорящего, его представлениям о том, какой ситуация должна быть. Этот и другие подобные примеры служат основанием для вывода о том, что поскольку дискурсивные маркеры не оказывают влияния на истинность высказывания, они не должны рассматриваться в рамках семантики, которая работает только со значениями, подвергающимися оценке с точки зрения «истина / ложь».

Но существуют и менее радикальные подходы. Их можно условно разделить на две противостоящие группы: «семантический максимализм» и «семантический минимализм» [Bross 2012: 190]. «Максималисты» стремятся объяснить многозначность слов через семантику выражений, в которых эти слова встречаются. Они считают, что значениям слов присуща многозначность, что значение «двойственно» по своей природе, и каждое конкретное значение проявляется только в определенном контексте. «Минималисты» признают, что существуют некие прагматические правила реинтерпретации значения слов, слова же имеют достаточно «узкое» значения [Там же]. В качестве аргумента против теории максималистов можно привести то соображение, что язык стремится к экономии языковых средств, и если бы за каждым значением языковой единицы в ментальном лексиконе была бы закреплена отдельная лексема, то потребовались бы огромные ресурсы памяти для хранения каждой словоформы как отдельной единицы [Bross 2012: 190]. Применительно к дискурсивным маркерам мы, вслед за Ф. Броссом, считаем, что более правдоподобно выглядит версия, предложенная Б. Фрейзером: дискурсивные маркеры имеют «ядерное

значение» (core meaning), от которого говорящий способен образовывать специфические дискурсивные значения, исходя из знания ситуации и условий контекста [Fraser 1996, Bross 2012].

Как уже было сказано, по мнению многих исследователей для дискурсивных маркеров характерна «ослабленность», неопределенность значения (для разных типов дискурсивных маркеров – в разной степени). Д. Блейкмор, Р. Карстон и другие исследователи ставят вопрос: если дискурсивные маркеры не оказывают влияния на истинность высказывания, то какова их роль в высказывании [Blakemore 2002]? Эти исследователи обратили внимание на то, что «условие истинности» – это понятие, применимое, скорее, к сфере репрезентации понятий (концептов), чем к сфере лингвистической репрезентации. Фрейзер, также занимавшийся этим вопросом, вводит понятие «репрезентативного» и «процедурного» значения. Согласно концепции Фрейзера, дискурсивные маркеры обладают только процедурным значением – т.е. помечают характер отношений между двумя отрезками дискурса (отрезки не обязательно должны примыкать друг к другу). Тем не менее, Фрейзер не дает объяснения, чем «репрезентативное» (дескриптивное) значение отличается от того значения, которое подразумевается. Блейкмор же отвечает на этот вопрос следующим образом: дискурсивные маркеры являются «инструкциями», которые указывают на релевантный способ интерпретации высказывания.

Дискурсивные маркеры описываются также в ряду языковых выражений, «вызывающих» пресуппозицию (так называемые «триггеры пресуппозиции») [Zeevat 2003: 91]. Например, в предложении *John will have dinner in New York too* слово *too*, в определенном контексте, может функционировать как дискурсивный маркер [Там же: 165]. Дискурсивные маркеры могут 1) помогать отсеивать контексты; 2) указывать на необходимость вывести инференцию; 3) указывать на предпосылку. Одновременно они маркируют тип соотношения: контрастирующий либо указывающий на достоверность / недостоверность вывода.

Характеристика семантического или прагматического вклада дискурсивных частиц в высказывание – это, по сути, вопрос о границах семантики и прагматики. Г. Грайс ввел понятие «импликатура», то есть значение, выведенное из буквального значения. Он противопоставлял «конвенциональные импликатуры» (выведенные из значения языковых выражений) и «коммуникативные импликатуры» (выведенные логическим образом) [Матько 2008: 72]. С точки зрения прагматики дискурсивные маркеры рассматриваются именно как конвенциональные импликатуры [Levinson 1983: 123]. С одной стороны, дискурсивные маркеры действуют как метапрагматические инструкции, которые позволяют слушающему подбирать подходящие контексты для интерпретации [König 1991: 65], с другой, они сами способны «вызывать» (подразумевать) определенные пласты информации.

Важное свойство дискурсивного маркера – способность интегрировать новое высказывание в интеракционный контекст. Вот как выглядит этот процесс с точки зрения «теории релевантности» [Sperber, Wilson 1986], которую мы разделяем. Делая высказывание, говорящий вынужден каждый раз обращаться к «общему фонду знаний» говорящего и адресата. То есть говорящий каждый раз делает предположение о том, что может знать о ситуации его собеседник, и, исходя из этого общего фонда знаний, формулирует собственное высказывание. Каждое новое высказывание меняет общий фонд знаний. Говорящий и адресат постоянно меняются ролями в диалоге. Причем представления об общем фонде знания у говорящего и адресата могут не совпадать. Ф. Бросс изображает этот процесс уточнения общего фонда знаний в виде налагающихся кругов, в области пересечения которых формируется смысл высказывания [Bross 2012: 199-202]. Ошибки в оценке представлений об общем фонде знаний собеседника часто приводят к коммуникативным неудачам. Каждое новое высказывание приносит изменение. Роль дискурсивных маркеров в этом процессе, по всей видимости, состоит в том, что они позволяют усиливать, блокировать либо

менять направление формирования общего фонда знаний в каждый момент речевой ситуации.

Некоторые ученые склонны считать дискурсивные маркеры «концептуально пустыми единицами» [Правикова 2004: 17], единственное значение которых сводится к тому, чтобы открывать доступ к концептуальным доменам. С этой точкой зрения хочется поспорить. Во-первых, не все дискурсивные маркеры десемантизированы в равной степени; во-вторых, даже в достаточно сильной степени десемантизированные частицы сохраняют «следы» значений тех языковых единиц, от которых они произошли [Abraham 1991].

Нам представляется разумным подход, который позволил бы учесть и семантическую, и прагматическую составляющую. Такой подход был продемонстрирован в коллективной монографии «Дискурсивные маркеры русского языка» [Киселева, Пайар 1998]. В статье Банно и Кодзасова, включенной в эту монографию, подробно рассматриваются механизмы варьирования семантики дискурсивных языковых единиц в зависимости от стандартных переменных контекста [Банно, Кодзасов 1998]. Понимание механизмов варьирования тесно связано с общим пониманием семантической структуры высказывания как концептуальной рамки с позициями внутри нее, которые подлежат заполнению [Банно, Кодзасов 1998: 401]. Дискурсивные маркеры находятся в дискурсивном пространстве, которое определяется порядком слов, интонационным оформлением, особыми лексическими конструкциями. Существует взаимное влияние между дискурсом и контекстом. Как пишут Банно и Кодзасов, «лексические смыслы достраиваются дискурсивной средой до семантических блоков» [Там же: 383]. Интуитивное представление о «языковом концепте» состоит в том, что «языковой концепт» объединяет признаки и свойства разного «веса» [Рахилина 1985].

Предпринимались попытки формализовать описание полисемичных языковых единиц с помощью метаязыка. В коллективной монографии

«Дискурсивные слова русского языка» [Киселева, Пайар 1998] был разработан метаязык такого семантического представления, который позволяет учесть контекстное и внутреннее варьирование дискурсивных единиц. Авторы выделяют три типа варьирования семантики слова, см. [Киселева, Пайар 1998: 12-14]: 1) внутреннее варьирование, связанное с взаимовлиянием слова и контекста («границы» значения слова); 2) внешнее варьирование («деформация» значения под влиянием контекста); 3) варьирование, связанное со сферой действия дискурсивного маркера, которое определяется актуальным членением предложения. Параметры варьирования включаются в сценарий-схему, предполагающий последовательное описание граней и последующее наложение на грани параметров деформации с учетом сферы действия дискурсивного маркера. Параметры деформации и сферы действия дискурсивного маркера позволяют учесть не только семантические эффекты взаимного влияния дискурсивного маркера и контекста, но также и прагматические эффекты, налагаемые коммуникативной ситуацией. Недостатком подхода группы Киселевой и Пайра является излишняя сложность описания. Несомненным достоинством контекстно-семантической схемы описания, предложенной в монографии, является возможность учитывать семантические и прагматические факторы в комплексе [Банно, Кодзасов 1998: 399]. Модель описания, предложенная авторами монографии «Дискурсивные маркеры русского языка», разумеется, не единственный способ описания. Были и другие попытки создать универсальную модель описания полисемичной лексики с использованием метаязыка (Ю.Д. Апресян, А.Н. Баранов, И.М. Богуславский и многие другие), однако подход группы Киселевой и Пайра кажется нам наиболее удачным.

С нашей точки зрения, при описании семантики и прагматики дискурсивных маркеров важно иметь в виду функциональные особенности данного класса лексики и описывать прагматические и семантические особенности дискурсивных маркеров с точки зрения того, какая роль отводится маркерам в дискурсе. Граница между прагматикой и семантикой

дискурсивных маркеров, по всей видимости, невозможна. Скорее, можно говорить о семантическом и прагматическом подходе к описанию дискурсивных маркеров.

Выводы по 1 главе

В первой главе на основании анализа научной литературы были определены основные теоретические положения, исходя из которых мы будем анализировать конкретный языковой материал.

Взаимодействие дискурсивного маркера и контекста имеют двоякую природу. Значение дискурсивного маркера выводится из контекста, но при этом можно говорить о разных типах дискурсивных маркеров в зависимости от степени «размытости», ослабленности их «базового» значения. Дискурсивные маркеры имеют определенные ограничения на употребление в разных типах предложения. Эти ограничения связаны с их семантикой, сферой действия и иллокутивными «предпочтениями». Дискурсивные маркеры не влияют на истинность высказывания, но действуют как метапрагматические маркеры, направляя процесс интерпретации.

Дискурсивные маркеры могут использоваться автором текста как намеренно, так и «непроизвольно». В первом случае мы говорим о стратегиях использования дискурсивных маркеров. Действие дискурсивных маркеров полифункционально. Они могут действовать как на микро-, так и на макроуровне дискурса, организуя связи как по горизонтали (между высказываниями), так и по вертикали (между уровнями дискурса).

В целях дальнейшего исследования конкретного языкового материала, мы принимаем следующие критерии, позволяющие нам

идентифицировать языковой элемент в качестве дискурсивного маркера:

- 1) действие дискурсивного маркера распространяется более чем на одну клаузу (относится к уровню большему, чем клауза);
- 2) дискурсивный маркер может «комментировать» связь между двумя и более единицами дискурса;
- 3) дискурсивный маркер может выражать отношение говорящего как к пропозиции, так и к предыдущему высказыванию;
- 4) дискурсивные маркеры не влияют на истинность высказывания;
- 5) присутствие дискурсивных маркеров носит факультативный характер; удаление дискурсивного маркера из предложения не приводит к неграмматичности и не меняет значения пропозиции.

Глава 2. Дискурсивные маркеры в языке идиш

2.1. Материал и методика исследования

Исследование проводилось на материале современных письменных текстов. Под современным идишем понимается тот вариант языка, который сложился на начало XX столетия и продолжает существовать до сих пор. Несмотря на изменения, которые произошли с идишем за последние сто лет в силу экстралингвистических причин и естественного развития языка, представляется, что этот период является собой единый континуум⁵. Современный идиш, каким мы видим его на страницах периодических изданий и которому обучают в университетах, – это продукт стандартизации, предпринятой институтом ИВО⁶ в первой половине XX века, хотя диалектные различия продолжают сохраняться в речи носителей языка. Носители идиша, как правило, билингвы. Для многих из тех, кто говорит сегодня на этом языке, идиш не является единственным языком, а для тех, кто на нем пишет, он часто не является родным. Носители языка идиш, как правило, проживают в иноязычной среде и испытывают сильное воздействие со стороны других языков.

Основной базой для поиска контекстов употребления дискурсивных маркеров был избран «Корпус письменных текстов языка идиш», в котором представлены тексты, начиная с конца 19 века. Предполагалось, что Корпус за счет большого объема текстов позволит выявить наиболее типичные варианты употреблений

⁵ На начало XX века достаточно четко выделяются три диалектных зоны языка идиш – «польский», «украинский» и «литовский», что нашло отражение в литературных произведениях.

⁶ ИВО (YIVO – Yidishe Visnshaftlikhe Organizatsie) – букв. Идишская научная организация – международная еврейская организация, ведущая исследования языка идиш. Создана в 1925 г. в Вильно (Вильнюс). После второй мировой войны была перенесена в Нью-Йорк, где существует по сей день

дискурсивных маркеров⁷. Корпус языка идиш⁸ (в дальнейшем – Корпус), размещен в сети интернет по адресу <http://web-corpora.net/YNC>. Мы также использовали собственную подборку художественных текстов и лексикографические источники (словари и грамматики языка идиш). Поиск контекстов производился, прежде всего, по базе Корпуса, поскольку в Корпусе реализована возможность задавать запросы на сочетаемость определенных элементов, благодаря чему он представляет собой мощный инструмент поиска. Однако в силу того, что Корпус находится в стадии формирования и морфологическая разметка не полностью завершена, получить количественные результаты оказалось затруднительным, поскольку Корпус не позволяет задавать подкорпусы со снятой омонимией.

Корпус языка идиш имеет объем около 4 млн. словоупотреблений. На 78,8% Корпус состоит из материалов современной газетной периодики (преимущественно это публикации газеты «Форвертс» (Forverts) и «Лебенс фраге» (Lebens Frage), и лишь 18,2% текстов относятся к первой половине XX столетия. Материалы периодики являются ценным источником, однако Корпус не дает возможности отслеживать, с каким именно типом текста мы имеем дело (контексты, выдаваемые Корпусом, слишком коротки; заголовки материалов и авторы текста часто не указаны). Художественная проза составляет примерно 5% от общего объема Корпуса (т.е. порядка 160 тыс. словоупотреблений) и представлена примерно в равных объемах как для первой, так и для второй половины XX века.

⁷ Корпус не позволяет учесть тонкие субкультурные и диалектальные различия, но дает возможность уловить системность и закономерность в использовании его элементов.

⁸ Корпус языка идиш – The Corpus of Modern Yiddish, <http://web-corpora.net/YNC> – совместный проект РАН и университета Регенсбурга. Корпус включает почти 4 млн. словоупотреблений (3 319877), содержит перевод отдельных лексем на английский язык и имеет частичную метатекстовую и морфологическую разметку.

Работа была построена следующим образом. На основании лексикографических источников и уже имеющихся описаний языка идиш был сформирован инвентарь лексем, которые могут употребляться как дискурсивные маркеры. Для отобранных единиц выявлялись контексты дискурсивных употреблений на основании Корпуса; мы также брали примеры из грамматик языка идиш и собственной подборки художественных текстов⁹. При выборе контекстов помимо семантической составляющей учитывалось синтаксическое положение языковых элементов, поскольку в ряде случаев оно играет решающую роль при интерпретации. Для анализа роли и авторской стратегии использования дискурсивных маркеров в художественных текстах были отобраны три произведения: глава из повести Шолом-Алейхема «Тевье-Молочник» и два рассказа И.-Л. Переца «Бонче-молчальник» и «Если еще не выше».

2.2. Инвентарь дискурсивных маркеров в языке идиш

В соответствии с теоретическими положениями, изложенными в главе 1, нам кажется необходимым еще раз подчеркнуть, что мы понимаем «дискурсивный маркер» как функцию, которую способны выполнять те или иные языковые элементы. Исследования, проводившиеся на материале других языков, в частности, на материале немецкого, английского и русского, показывают, что наиболее «приспособленными» для выполнения функции дискурсивного оказываются единицы определенных классов, а именно элементы, близкие к адвербиалам, обладающим так называемой «пассивной

⁹ Собственный подкорпус составлялся таким образом, чтобы были сбалансированно представлены три основных диалекта идиша: М. Мойхер-Сфорим (1835-1917), Д. Кац (р.1956) представляют «литовский» (северовосточный) диалект; И.-Л. Перец (1852-195), Й. Опагошу (1886-1954) – «польский» (центральный), Шолом-Алейхем (1856-1916), Б. Сандлер (р. 1956) – «украинский» (южный диалект).

валентностью»¹⁰: наречия, частицы, союзы и междометия [Богуславский 1996: 23]. Становясь дискурсивным маркером (или играя роль дискурсивного маркера), некоторые языковые элементы получают способность к обособлению (т.е. приобретают независимость), соответственно, валентная структура слова меняется. Подобное изменение может свидетельствовать в пользу той точки зрения, что класс дискурсивных маркеров существует и при переходе слова в класс дискурсивных маркеров происходит рекатегоризация. В этом случае дискурсивные маркеры можно считать отдельной лексемой, а совпадающие по форме единицы другой частеречной принадлежности уместно в таком случае признать омонимами. Инвентарь дискурсивных маркеров в языке идиш включает частицы, междометия, наречия, вводные слова и фраземы.

В грамматиках языка идиш¹¹ дискурсивные маркеры не принято описывать как отдельный класс слов. Это вполне объяснимо: предмет изучения привлек внимание исследователей сравнительно недавно. На сегодняшний день мы располагаем несколькими авторитетными описаниями языка идиш. Прежде всего, это «Грамматика стандартизованного языка идиш» Ю. Марка [Mark 1978], «Грамматика языка идиш» Д. Каца [Katz 1987], и монография Н. Джейкобса «Yiddish. A Linguistic Introduction» [Jacobs 2005]. Существует также несколько практических грамматик идиша, в которых дается описание

¹⁰ Пассивная валентность – способность слова присоединяться к синтаксической вершине.

¹¹ Первые грамматики языка идиш появляются еще в конце 17 века (например, грамматика Wagenseil J. Chr. *Belehrung der juedischdeutschen Rede- und Schreibart*. Koenigsberg, 1669). Отношение к языку идиш было долгое время пренебрежительным и во многом определялось дивергентной теорией, в рамках которой идиш рассматривался как язык, обособившийся от немецкого языка. Не случайно в прессе идиш именовался не иначе как «жаргон». В начале 20 века отношение к идишу меняется, в программной статье «Задачи еврейской филологии» Б. Борохов пишет о необходимости унифицировать еврейский язык [Козулева, Федченко 2013]. В первой четверти 20-ого столетия появляется несколько грамматик языка идиш: грамматика З. Рейзена (1920), М. Мизеса (1924), А. Зарецкого (1926), практические грамматики Ф. Гельперина и М. Вайнрайха (1929), М. Бирнбаума и Д. Касселя (1928) и «Академическая грамматика идиша» Э. Фальковича (1930). Стандартизация идиша была завершена институтом YIVO.

интересующих нас единиц: классическое издание У. Вайнрайха «College Yiddish» [Weinreich 1959], практические грамматики М. Шехтера [Schaechter 1986], Д. Каца [Katz 1987], учебник идиша на русском языке С. Сандлера [Сандлер 2001] и многие другие.

«Gramatik fun der jidisher klal-shprach» ('Грамматика стандартизованного языка идиш') Юдла Марка [Mark 1978] – одна из наиболее фундаментальных работ, посвященных грамматике идиша как таковой. В книге освещены такие вопросы, как соотношение грамматики и лексикологии, нормативного произношения и орфографии. Монография Ю. Марка написана с учетом лингвистических теорий 20-ого столетия, в частности, теоретических наработок в области семантики конца 70-80-х гг. Многие постулаты, изложенные в этой работе, сохраняют актуальность на сегодняшний день. Обзор грамматики идиша Марк начинает с раздела «Предложение и его смысл». В разделе обсуждаются вопросы: что такое «предложение», «слово», «члены предложения», «субъект» и «предикат» и пр. Далее следует детальное описание девяти классов слов: «конъюнкции», «субстантивы», «адъективы», «счетные слова», «местоимения», «препозиции», «глаголы», «вербоиды», «наречия»; кроме того, отдельная глава посвящена пунктуации и порядку слов. Интересующим нас лексемам уделено внимание в разделе «Конъюнкции», где подробно описан союз *un* 'и' [Там же: 90-93], *az* 'что, потому что', *aj* 'ай', *až* 'аж', *ot* 'вот', *saj-saj* 'как... так...', *ojx* 'тоже', *ojxet* 'тоже', *dertsu* 'к тому же', *dertsu nox* 'к тому же еще', *ober* 'но', *oder* 'или' и многие другие союзы и частицы [Там же: 93-107]. Автор также выделяет группу так называемых «слов-предложений» ('*zac-verter*'), в которую он включает *nejn* 'нет' и *jo* 'да'. Ю. Марк пишет, что, как правило, эти слова помещают в раздел «адвербиалов» (наречий). Сам

автор предлагает считать их представителями отдельного класса слов «слов-предложений». В современной терминологии, вероятно, можно было бы назвать их «слова-клаузы», и в дальнейшем мы будем применять этот термин. Эти слова – ‘да’ и ‘нет’ – могут служить полноценным ответом на вопрос. Они являются элементами базового набора семантических примитивов, без которых не обходится ни один язык [Там же: 60]. В составе класса «слов-клауз» Ю. Марк перечисляет лексемы: *take* ‘таки’, *avade* ‘конечно’, *mejle* ‘словом’, *efšer* ‘возможно’, *lemošl* ‘например’, *ledugme* ‘например’, *erštens* ‘во-первых’, *cvejtens* ‘во-вторых’, *mistome* ‘вероятно’, *mašmoes* ‘вероятно, должно быть’, *maxšovesn* ‘кстати’, *mex(e)tejse* ‘а именно’, *mimone(f)šex* ‘одно из двух’, *aštejger* ‘например’, *haklal* ‘короче говоря’, *mi(na)stam* ‘несомненно’ [Там же]. Слова-клаузы выделяются в тексте запятыми или иными знаками пунктуации, хотя автор отмечает, что это правило не всегда соблюдается. К этой же группе Марк относит восклицания, вставки, междометия: восклицание *gevalt!* ‘караул!’, междометия *oj-vej!* *aj!* *aj-aj-aj!* *ex*, *ax*, *ox* и прочие выражения чувств, такие как *be*, *fe* [Там же: 60].

Монография Найла Джейкобса «Yiddish. A Linguistic introduction» посвящена грамматике лишь отчасти [Jacobs 2005]. В книге освещается широкий круг вопросов (от истории формирования идиша до проблем современной диалектологии, от фонетики до социолингвистики). Описанию интересующих нас единиц уделяется мало внимания. Автор во многом опирается на предшествующие грамматики А. Зарецкого [Zaretsky 1926] и Ю. Марка [Mark 1978], но его трактовка интересующего нас материала заметно отличается от интерпретации предшественников. Н. Джейкобс сочетает частеречный и функционально-семантический подходы. В разделе «морфология» он выделяет следующие частеречные классы: «существительные и

именные группы», «прилагательные», «местоимения» (в данном разделе рассматриваются также клитики), «числительные», «наречия», «конъюнкции» (союзы), «заполнители», «глаголы и вербоиды». Описание каждого класса сопровождается описанием грамматических и семантических свойств элементов в него входящих. Словам, обладающим способностью повышать / понижать интенсивность высказывания, посвящено лишь несколько строк в разделе «Морфология»: в разделе «заполнители» (fillers) [Jacobs 2005: 204]. Джейкобс отмечает способность данных единиц придавать высказыванию определенный «оттенок». Можно было бы назвать эту группу слов «оттеночными» словами. Автор включает сюда лексемы: *jo* 'да', *dox* 'ведь', *avade* 'конечно', а также вводные обороты и некоторые устойчивые выражения. Последняя группа представлена пожеланиями, например: *zoln zej mir zaj gezunt* 'пусть они будут здоровы (=здоровья им!)'. Такие выражения частотны в идише, а модель по которой они строятся – продуктивна. Вводные слова и обороты, к которым также относятся обороты-пожелания, оформляются на письме запятыми и в устном дискурсе выделяются интонационно. В разделе «заполнителей» Н. Джейкобс также упоминает частицу *že*, которая формально является клитикой, но семантически выступает как «заполнитель». Автор подчеркивает, что столь разные по форме языковые единицы объединены в одну группу по функциональному признаку. Их функция состоит в том, чтобы заполнять паузы. Джейкобс не включает в эту группу союзы, которые, с нашей точки зрения, также способны выступать в качестве дискурсивных маркеров. Союзы описаны в разделе «конъюнкции» [Там же: 205-206]. В разделе «клитки» Джейкобс рассматривает модальные частицы, такие как *šojn* 'уже', *dox*

‘ведь’, *нох* ‘еще’ [Там же: 189]. Кроме того, часть дискурсивных маркеров попадает в раздел «сложные наречия» (complex adverbs).

Грамматика Довида Каца в целом построена по принципу классического учебника: от алфавита до фразеологии. Автор последовательно описывает основные части речи: «существительные», «именные группы» (включая сюда и прилагательные), «местоимения», «глаголы», «наречия», затем переходит к описанию интонационных средств языка, синтаксису, после чего переходит к разделу семантики, в котором дается разбор отдельных слов и понятий и, наконец, к фразеологии. Грамматика Каца интересна для нас тем, что в ней уделено большое внимание компонентам языка идиш, особенно семитскому компоненту. Описание некоторых из интересующих нас лексем можно обнаружить в разделе «наречий», где описываются «адвербиалы», а также в разделе «фразеологизмы».

В поиске примеров употребления интересующих нас лексем мы также обращались к практическим грамматикам и учебным пособиям. Особенно ценным в этом отношении оказалось пособие Мордхе Шехтера «Yiddish II» [Schaechter 2003], в котором удачно сочетается изложение теоретических положений и тщательно подобранный языковой материал (в частности, Шехтер приводит фрагменты расшифрованных записей живой устной речи). В учебнике «Идиш для русскоговорящих» С. Сандлера приводится большое количество примеров из классической еврейской литературы.

При составлении списка инвентарных единиц дискурсивных маркеров мы также использовали следующие лексикографические источники: двуязычный идиш-французский словарь И. Ниборского и Б. Вайсброта [Niborski, Vaisbrot 2011] (в котором достаточно подробно

представлены лексемы еврейско-арамейского происхождения). Данные этого словаря были дополнены информацией из «Словаря слов еврейско-арамейского происхождения» [Niborski 1997], «Идиш-русского словаря» Д. Тищенко [Тищенко 2013] который во многом ориентируется на словарь Ниборского-Вайсброта, но обладает тем преимуществом, что снабжен более развернутым комментарием (не считая того факта, что словарь содержит удачно подобранные русские переводы еврейским словам и понятиям)¹²; идиш-еврейско-английский словарь Александра Гаркави (словарь был составлен в 1912 году и выдержал несколько переизданий), где также пристальное внимание уделяется еврейско-арамейскому компоненту; англо-идишский и идишско-английский «Словарь современного идиша» (клат-идиш). Для проверки адекватности перевода некоторых слов мы также использовали «Русско-идишский словарь» А. Шапиро [Шапиро 1989].

Используя вышеперечисленные источники, мы составили инвентарный список лексических единиц, которые регулярно выступают как дискурсивные маркеры. Список является открытым. Частотность приводится по Корпусу (КЯИ).

Таблица 1. Инвентарь дискурсивных маркеров языка идиш.

Языковая единица	«Базовое» значение	Компонент
Дискурсивные единицы со статусом слова (в т.ч. вводные слова)		
Aderabe	более того	семитский
Af der emesn	правда, на самом деле	семитский
Agev	кстати, между прочим	семитский

¹² См. подробнее в статье В.В. Федченко, посвященной обзору лексикографических источников [Федченко 2013].

A svojre	естественно	семитский
Avade	конечно, разумеется	семитский
Befejreš	квно, видимо, очевидно	семитский
Bixlal	вообще, в общем, целом	семитский
Cum erštens	во-первых	германский
Cvejtns	во-вторых	германский
Cum cvejtns	во-вторых	германский
Dahejnu	а именно, например, то есть	семитский
Efšer	возможно	семитский
Emes / Beemes	правда	семитский
Fundestvegn	несмотря на это, тем не менее	семитский
Iker / der iker	главное	семитский
Inderemesn	на самом деле	семитский
Xlebn	разумеется, ей-богу, ей-ей	германский (?)
Kicur / Bekicer	короче	семитский
Lectns	и последнее	германский
Lemošl	к примеру	семитский
Lesof	наконец	семитский
Minhastam	на самом деле	семитский
Mistome	вероятно	семитский
Sof-kol-sof	наконец	семитский
Частицы (в том числе, модальные частицы)		
Afile	даже	семитский
Akeršt	только	германский
Bexejrem*	под угрозой смерти	семитский
Bepoštēs	попросту	семитский
Blojz	только	германский
Dafke	как раз, именно	семитский
Dox	ведь	германский
Fort	все-же, все-таки, что ни говори	германский
Gevejntlex	конечно	германский

Glat	прямо	славянский
Glajx	прямо	германский
Gor	Так, а, и ; вдруг	германский
Grod	прямо	германский
Iz	итак	германский
Jo	действительно	германский
Xotš	хоть	славянский
Kojm	едва	германский
Nox	еще	германский
Nor	только	германский
Mameš	просто, действительно, прямо-таки, буквально	семитский
Ojx	тоже	германский
Punkt	точно	общеевропейск.
Pošet	просто	семитский
Ruik	ровно, спокойно	германский
Šojn	уже /уж	германский
Stam	просто	семитский
Stejtš	подумать только!	германский
Take	таки	германский
Že	же	германский
Союзы		
Un	и...	германский
Ober	однако	германский
Nor	о, однако	германский
Междометия		
Ajo?	не так ли?	германский
Až	аж	славянский
Nu	ну	славянский
Ša	хватит, достаточно	семитский
Fe	фу	германский
Лексикализованные конструкции		
Lehavdl	не рядом будь помянут	семитский

Kejnore	чтоб не сглазить	семитский
Mirtsešem	с божьей помощью	семитский
Alevaj	дай бог	?
Глаголы в дискурсивной функции		
Zol*	может быть	германский
Iz*	итак, и вот	германский
Вводные конструкции		
Daxt zix	кажется	германский
Mejstens gezogt	с позволения сказать	германский
Zet ojs	видимо	германский
In tox arajn	по сути	семитск.+герм

**Маргинальное использование лексем, обнаружить которое в Корпусе не удалось*

Мы выделили 5 групп дискурсивных маркеров по сходству морфологического поведения: 1) слова, имеющие синтаксический статус слова (в том числе, вводные слова); 2) модальные частицы; 3) союзы; 4) междометия; 5) фразеологические обороты. К этим группам примыкают (и находятся на периферии) усилительные частицы (так называемые, интенсификаторы) и указательные частицы. Многие единицы сочетают частеречные и дискурсивные свойства, выполняя несколько функций одновременно. В *Таблице 1* мы указываем также на происхождение дискурсивного маркера.

Дискурсивные маркеры со статусом самостоятельного слова (вводные слова)

В эту категорию входят как отдельные единицы со статусом слова, так и «компози́ты» – устойчивые предложно-суффиксальные сочетания, включающие не более одной смыслообразующей семы.

Единицы этой группы не склонны к рекатегоризации. Их значение не меняется в зависимости от положения в предложении при общей склонности появляться в начале или в середине предложения. Наиболее близкой группой для дискурсивных маркеров, с точки зрения частеречной классификации, является группа наречий. Для этих единиц характерна склонность к обособлению, часто они употребляются в качестве вводных оборотов. В письменном дискурсе они могут выделяться запятыми, в устном – интонационным контуром и паузами. Типичные примеры:

(2) **Avade**, *er iz a tumxe* – ‘он, конечно, эксперт’ [Mark 1978: 60]

(3) *S'iz **mistome** geven a toes* – ‘это, вероятно, была ошибка’ [Forverts 2006-2010]

Статус «ответного» слова *jo* представляет особую проблему. Ю. Марк обсуждает их в разделе «Zatsvort» (слова-предложения), наряду с словом-предложением *nejn*. В некоторых случаях *jo* может вести себя как дискурсивный маркер. Ю. Марк [Mark 1978: 60] рассматривает *jo* наряду с такими лексемами как *efšer*, *lemošl*, *avade*, *take*, *mejle*, *ledugme* и мн. др., поэтому, мы включаем *jo* в данную категорию.

Мы исключаем из этой группы лексему *take*, которая способна передавать множество оттенков значения того слова, которое эта лексема сопровождает. Синтаксически *take* ближе к частицам, таким как *že*, однако в Корпусе (КЯИ) встречаются и обособленное употребление данной лексемы – в качестве «общего» комментария к ситуации в значении «действительно», «да»:

(4)– **Take?** ‘Неужели?’

(5)– **Take! Take!** ‘Да! Да!’ [I.-L. Perets. Bontše-švajg].

Таким образом, лексема *take*, как и некоторые другие лексемы, отнесенные нами в данной таблице к частицам, в ряде случаев могут выступать как обособленные слова-фразы.

Единицы этой группы могут иметь омонимы в других частях речи. Так, например, омонимами для дискурсивного маркера *emes* ‘правда’, *iker* ‘главное’ являются существительные со значением ‘правда’ и ‘главное’ (пример (5) – недискурсивное употребление лексемы *der iker*; (6) – дискурсивное употребление):

(6)*Nor der ixes iz **der same iker*** – ‘Но родословная – это самое главное’ [Forverts 2006-2010]

(7)*Di andere nemen zajnen bakant, **der iker**, tsvišn di libhober fun jener tkufe* – ‘Другие имена были известны (пользовались известностью), **главным образом**, среди любителей той эпохи’ [Forverts 2006-2010]

Avade

Лексема еврейско-арамейского компонента¹³ *avade* ‘конечно’ (562 вхождений по Корпусу). Лексема *avade* может передавать следующие значения: ‘конечно, разумеется, подавно, наверно(е); непременно, без сомнения; а также выражать меньшую степень уверенности: ‘пожалуй, чай’ [Тищенко 2013: 7]; Встречается употребление *avade* в удвоении: *avade un avade* (12 вхождений) – 1) ‘без всякого сомнения’; 2) ‘тем более’ [Niborski, Vaisbrot 2011; Тищенко 2013]. Лексема может

¹³ *Avade* – заимствование из арамейского языка.

находиться как в инициальной (136 случаев, т.е. 24%)¹⁴, так и в средней части предложения. Лексема способна обособляться и образовывать собственный интонационный контур, но встречаются вхождения, где она находится в неакцентированной позиции внутри глагольной рамки. Находясь в инициальной позиции в предложении, в большинстве случаев вызывает инверсию (в 125 из 136 в нашей выборке). Это обстоятельство говорит о том, что в инициальной позиции данная лексема воспринимается как адвербиал. Внутри глагольной рамки (380 из 403 словоупотреблений, т.е. 95%) *avade* находится в безударной позиции. Модификации значения в зависимости от синтаксической позиции не происходит.

(8) *Josef Ostrovski hot **avade** farštanen, az zajne jidiše bildern hobn in sovetiše hejm kejn šum cukunft ništ* 'Йозеф Островский **конечно** понимал, что у его «еврейских» картин на советской родине совершенно нет будущего' [Forverts 2008-12-05].

(9) ***Avade**, benk ix nox ajx alemen* 'Разумеется, я всегда скучаю по Вам' [Forverts 2007-03-02]

(10) *A romantiker. **Avade** an intelegenter boxer, vi mir ale zajnen demolt geven* 'Романтик. Конечно, интеллигентный парень, какими мы все тогда были' [Forverts 2006-2010].

Avade также может выступать в качестве ответа на вопрос: *avade!* 'конечно!'. В сочетании же с отрицательной частицей *ništ* 'нет' усиливает категоричность отрицания: *avade ništ!*

¹⁴ Оговоримся: в просмотренных нами выборке текстов до 1940 г. *avade* в инициальной позиции встретилось только 1 раз, что говорит о том, что такое использование этой лексемы на начало 20 в. было маргинально, и скорее всего здесь мы имеем дело с влиянием английского языка, в котором значению лексемы *avade* соответствует выражения *of course, certainly*, для которых вполне нормативно употребление в начале предложения.

(11) *Zixer ništ! **Avade** ništ, kejn mol ništ! Muzik iz ništ dos vos maxt bam-bam-bam, nor dos vos maxt bim-bam-bom* - 'Разумеется нет! Конечно нет, никогда! Музыка – это не то, что делает бам-бам-бам, но то, что делает бим-бам-бом' [Forverts 2008-07-11].

В самом общем виде список значений, реализуемых лексемой *avade*, выглядит следующим образом:

- ✓ 'конечно' – выражает уверенность говорящего в сообщении и повышает категоричность высказывания;
- ✓ 'конечно' – в качестве ответной реплики подтверждает предположение спрашивающего;
- ✓ в отдельных (сложных) предложениях может выражать уступку и даже сомнение;
- ✓ может присутствовать в вопросительном предложении, если это риторический вопрос или вопрос-предположение, т.е. тогда, когда в вопросе уже имеется исходное предположение;
- ✓ 'конечно' – выражает связь данного предложения с предыдущим, предвосхищает вопросы и отводит потенциальные возражения слушающего.

Говорящий, S_0 , употребляя слово *avade*, преследует цель повысить убедительность высказывания, независимо от его полярности. *Avade* также может употребляться в ироническом контексте (при этом часто эффект иронии достигается интонационными средствами). Так, например, реплика «*Avade!*» в зависимости от окружающего контекста может служить как выражением согласия с положением вещей, так и выражением несогласия (скепсиса и т.д.)

(особенно, в сочетании с *ni jo*). 'Конечно (p)', не накладывает ограничений на контекст и не связано временными ограничениями. В семантике *avade* (при положительной полярности) присутствует компонент «соответствия действительности», очевидный для говорящего S_0 , таким образом, S_0 выступает «гарантом» ситуации. При этом в компоненте «соответствия действительности» присутствует скрытая возможность того, что для слушающего S_1 вполне допустима ситуация, что S_0 может не быть «гарантом». *Avade* может также выражать компонент значения: «соответствия ожиданию говорящего».

Сфера действия *avade* распространяется на правый контекст и может включать либо предикат, либо целую клаузу. Функционирование *avade* в тексте имеет дискурсивный характер, т.к. является комментарием говорящего к ситуации, отсылающим слушающего к общему фонду знаний слушающего и говорящего.

Mistome

Лексема арамейского происхождения (466 вхождений) является экспонентом лексических значений 'вероятно, наверное, по-видимому, очевидно, небось, надо думать, надо полагать, кажется'.

(12)*In der uralter velt flegt men bojen di labirintn davke ojf aza štejger — **mistome**, tsulib dem mistišn badajt fun der tsol zibn.* 'В старые времена строили лабиринты именно в такой манере, вероятно, из-за мистического отношения к числу семь'.

(13)*Lodž hot men gerufn klejn Mantšester. **Mistome** tsulib der veber-industrie.* 'Лодзь называли маленьким Манчестером. Вероятно, из-за его ткацкой промышленности'[Forverts 2008-08-08]

(14)*Di zelbe zach iz gešen mit an ander bakant pesaxdik lidl, “ahad mi jodea”, vos anthalt oix a tsol arameiš ojsdrukn. **Mistome**, hot men ojsgeklibn dafke arameiš ništ lošen-kojdeš, tsulib dem ritmiše un ekzotiše klang fun der šprax* ‘Такая же вещь произошла и с другой известной пасхальной песенкой «ахад ми йодеа», в которой также есть множество арамейских выражений. Видимо, подбирались именно арамейские, а не древнееврейские выражения, из-за ритмического и экзотического звучания языка’ [Forverts 2006-2010]

Mistome может употребляться и внутри глагольной рамки. В Корпусе (КЯИ) не зафиксировано случаев употребления *mistome* в качестве самостоятельного высказывания.

(15)*Er hot **mistome** gezen “Fidler afn dax”.* ‘Он, вероятно, смотрел (пьесу) “Скрипач на крыше” [Forverts 2009-02-20]

Область значений, выражаемых лексемой *mistome*, отчасти пересекается с областью значений *efšer*. Для обеих лексем характерен явно выраженный модальный компонент. Семантика *mistome* субъектно-ориентирована и предполагает следующие компоненты: 1) вероятно (P) – говорящий сообщает, что он считает, что ситуация (P) может иметь место в одном из возможных миров, 2) однако говорящий допускает мысль, что могут быть обстоятельства, которые ему, говорящему, неизвестны, и которые могли / могут послужить причиной, из-за которой ситуация (P) не будет иметь места.

С прагматической точки зрения, употребление *mistome* свидетельствует о том, что говорящий до некоторой степени уверен в возможности наступления желательных событий (и не уверен в наступлении нежелательных). При этом говорящий 1) снимает с себя

часть ответственности («вероятно» не означает полной уверенности), 2) делает утверждение менее категоричным, что может использоваться в прагматических целях – для придания высказыванию более объективного, непредвзятого характера.

Efšer

Лексема еврейско-арамейского происхождения (1665 вхождений). Она имеет следующие лексические значения: ‘возможно; может быть; быть может’. Лексема способна выступать в составе предикативных конструкций в качестве адвербиала, употребляться как вводное слово и как дискурсивная частица. *S'iz efšer? – Efšer* ‘Это возможно? – Возможно’. Лексема *efšer* используется в качестве вводного слова в инициальной позиции предложения (366 вхождений – 22% от количества словоупотреблений лексемы по Корпусу). Часто *efšer* в инициальной позиции может использоваться в качестве вопросительного слова.

(16) *Ci efšer hostu ibergešrokn?* – Может, ты перетрусил? [Sandler B. Slimazl un rojte kadillak]

(17) *Efšer volt dox zajn beser, az ix zol nejlem vern?!* ‘Может, было бы лучше, если бы я исчез?! [Forverts 2006-2010].

Занимая инициальную позицию в предложении, *efšer* вызывает инверсию, что говорит о его адвербиальной функции.

(18) *Efšer veln mir cuhern su ajx.* ‘Может быть, мы к вам прислушаемся’ [Forverts 2006-09-22]

В средней части предложения *efšer* может появляться как обособленно, так и внутри глагольной рамки, функционируя как частица.

(19) *Hostu efšer gelt?* 'Может, у тебя есть деньги?' [Niborski, Vaisbrot 2011]

(20) *Eršt demolt ken efšer epes arojsvaksn derfun.* 'Только тогда из этого, может быть, что-то вырастет' [Forverts 2006-2010].

(21) *Es klingt, efšer, a bisl modne.* 'Это звучит, возможно, немного странно' [Forverts 2007-12-07]

Семантика лексемы *efšer* включает ярко выраженный модальный компонент, выражая широкий спектр значений, связанных с объективной и субъективной модальностью. Лексема выражает разные значения эпистемической модальности: комментирует ситуацию с точки зрения говорящего, сообщая насколько возможной (вероятной) говорящий S_0 считает наступление события p . Структура значения *efšer* предполагает следующие возможности толкования. Фраза «возможно (P)» может указывать на:

- ✓ неуверенность говорящего в ситуации (неслучайно *efšer* используется в формулах вежливости и в вежливых просьбах);
- ✓ на желательность ситуации для говорящего (в случае положительной полярности предложения);
- ✓ при наличии отрицательной полярности возможны варианты: а) говорящий выражает сомнения относительно причин ненаступления события, б) говорящий ищет оправдание ненаступлению события (см. пример (21)), в) говорящий выражает

сомнение в возможности наступления события (возможно, он не придет).

(22) **Efšer** *hot er ništ kejn cajt dercu*. 'Может, у него не было времени к тому же' [Mir zajnen do: antifašistišer zamlbux]

(23) "Šejn" – iz **efšer** *nit dos rixtike vort, vajl hajnt zet es ojs ganc modne un cu mol afile komiš*. 'Красивый – это, пожалуй, неверное слово, потому что сегодня это выглядит очень странно и иногда даже комично' [Forverts 2006-09-22]

Близким синонимом *efšer* является лексема *meglex* 'возможно' – лексема германского происхождения (465 вхождений). *Meglex* также может употребляться в составе предикативной группы в качестве наречия, а также в качестве дискурсивного маркера с выраженными модальными свойствами. *Meglex*, в отличие от *efšer*, употребляется в инициальной позиции в клаузе, не вызывая инверсии (66 словоупотр. – 14%):

(24) **Meglex**, *az cu der cajt vet ir šojn hobn frier majne depešes*
'Возможно, что к тому времени она уже будет иметь депеши' [Forverts 2006-12-22]

В данном случае конструкция *meglex* + союз *az* 'что', отмечающий подчиненную клаузу, похожа на конструкции с глаголами знания, веры 'я знаю, что'. Соответственно *meglex*, вероятно, можно трактовать как главную клаузу (*s'iz*) *meglex*, *az*.

(25) **Meglex** *derfar klejbt zix Vašington ajnfirn sanktsies kegn draj grojse ruslendiše kompanies*. 'Возможно, поэтому Вашингтон собрался ввести санкции против 3-х крупных русских компаний' [Forverts 2007-01-12]

Emes / Der emes / Af an emes / In der emesn / Beemes

Лексема *emes* и ее производные часто используются в дискурсивной функции. *Emes* – лексема еврейско-арамейского происхождения¹⁵ (Корпус выдал 1185 вхождений на запрос по лексеме *emes*, вхождений по запросу + 262 вхождений *beemes*. Словарные значения: 1) (сущ.): ‘правда, истина’; 2) (прил.) ‘правдивый, истинный, подлинный’. Возможны следующие ситуации: *dos iz emes* ‘это верно (правда)’, *dos iz nit emes* ‘это неверно’. Приведем примеры:

(26) *Un ver hot es ajx gezogt az ix bin gegangn zuxn hanojes? Ix bin gegangen zuxn **an emes** vos ir hot nit.* ‘Кто вам сказал, что я отправился искать удовольствий? Я отправился искать **правду**, которой у вас нет’ [H. Grade. *Majn krig mit Herš Rasejner*]

В препозиционально-суффиксальном оформлении *inderemesn*, *in emesn arajn* приобретает значения ‘на самом деле, в действительности’ [Тищенко 2011; Niborski 2011]. Лексема выступает также в составе таких вводных оборотов: *der emes gezogt*, *der emes zogndik* ‘по правде говоря’.

(27) ***Der emes gezogt**, hob ix im nit zejer štark geglejbt* ‘По правде говоря, я ему не слишком сильно доверял’ [Forverts 2006-2010]

(28) ***Inderemesn** lomir rexenen az švere zaxn faln šneler vi gringe* ‘Итак (в самом деле), давайте считать, что тяжелые тела падают быстрее чем легкие’ [I. Perelman. *Fizik af jedn trot* (КЯИ)]

(29) ***Emes**, di štimung iz baj im geven nit fun di beste, vajl dos iz geven zajn letst akademiš jor in Oksford* ‘По правде говоря, настроение у него было не самым лучшим, поскольку это был его последний академический год в Оксфорде’ [Forverts 2006-2010]

¹⁵ В словаре М. Ястрова приводятся следующие значения: 1) *emes* –ж.р. ‘правда; вера; действительность’ в словосочетаниях типа «хлеб правды», «настоящая благотворительность»; «истинный закон Торы» 2) предложное словосочетание *beemes* «на самом деле», «в действительности». Встречается в оборотах типа:» на самом деле (в действительности) они сказали», что означает, что сказанное имеет статус утвержденного правового (религиозного) положения, то есть является истинным [Jastrow 1971: 79].

Emes может употребляться как частица и как вводное слово в значении 'правда, действительно, на самом деле' [Тищенко 2013].

(30) **Emes**, *dos ergste iz fun dest vegn ništ gešen; dos arajnmišn zix fun der velt-gezelšaft hot ništ derlozt tsu derfirn dem matsev a najem Aušvits* 'Правда, самого худшего, тем не менее, не случилось. Вмешательство мирового сообщества не позволило довести дело до нового Освенцима' [Forverts 2006-2010]

Лексема *beemes* (266 вхождений, из них 10 в инициальной позиции) относится к семитскому компоненту лексики в идише. Она представляет собой предложное сочетание *be+emes* (древнееврейск.), заимствованное из древнееврейского языка [Jastraw 1926: 79], передающее значения 'естественно, действительно; в самом деле, вправду, впрямь; истинно, поистине'. Лексема может употребляться обособленно, в качестве вводного слова и в среднем поле предложения:

(31) **Beemes**, *farvos muz men hobn a šprach, vos iz gebojrn gevorn kedej ejn ejropeišer jid zol kenen šmuesn mit an andern, ven ict vojnen mir in Cafn Amerike un ale Engliš?* 'В самом деле, зачем нужно иметь язык, который был рожден, чтобы один европейский еврей мог разговаривать с другим, если сейчас мы живем в Северной Америке и все (говорят) на английском?' [Forverts 2006-2010]

(32) **Beemes** *zenen zej geven ništ mer vi jingalex fun drajcn-fercn jor, ober az zej zenen šojn gegangn in kapeljušn, vajse hemder...* 'Разумеется (естественно), они были не более чем подростки 13-14 лет, но поскольку они ходили уже в шляпах, белых рубашках...' [Forverts 2006-2010]

(33)S'iz **beemes** a psixologiše drame fun a navi 'Это на самом деле психологическая драма пророка' [КЯИ 2006-01-12]

Как видно из приведенных примеров, синтаксическая позиция, по-видимому, не оказывает решающего влияния на интерпретацию значения этой лексемы, однако смещает акценты. Ее функционирование как маркера достоверности определяется семантикой присутствующей в ее составе семы *emes* 'правда, истина'. Инициальная позиция в предложении в идише закреплена за элементом темы. Соответственно, элемент, поставленный в инициальную позицию, выделяется для реципиента высказывания как особо важный. Обращает на себя внимание большое разнообразие форм, образованных с участием лексемы *emes*, которое привносит разнообразие в нюансы значений. Но, прежде всего, различие между этими формами стилистическое.

Дискурсивные частицы

Дискурсивные частицы – условно выделяемая группа дискурсивных маркеров. Речь идет о языковых единицах, которые демонстрируют устойчивую тенденцию оказываться в безударной позиции, выполняя при этом дискурсивные функции. В идише эти языковые единицы в ряде случаев меняют свое значение в зависимости от того, в какой синтаксической позиции в предложении они находятся. Одна из возможных позиций для таких частиц – безударное положение, справа от финитного глагола (внутри глагольной рамки). Находясь в этой позиции, дискурсивные частицы не образуют собственного интонационного контура, не могут являться ответом на вопрос. Согласно критериям, предложенным А. Цвики и Г. Пуллюмом, в этом случае они являются клитиками [Zwicky, Pullum 1983: 503].

М. Шехтер упоминает следующие частицы, которые могут находиться в безударном положении, являясь «модальными частицами» (в терминологии Шехтера): *dox*, *den*, *že* и другие [Shaechter 2003: 78]. Такие безударные частицы не являются членами предложения. У. Вайнрайх называет их «добавочные слова». Для дискурсивных частиц характерны выраженные модальные свойства. Дискурсивные маркеры этой группы могут выражать: 1) эпистемическую оценку вероятности события; 2) эмоциональную оценку ситуации говорящим; 3) оценку соотношения текущего события / высказывания с положением вещей в одном из возможных миров, которая имеет место быть с точки зрения говорящего.

Среди дискурсивных частиц языка идиш выделяются группа модальных частиц германского происхождения, группа частиц славянского происхождения (*že*, *až*, *take*), а также несколько лексем семитского компонента. В ряде случаев частицы разных компонентов квазисинонимичны.

Для модальных частиц германского компонента характерно наличие омонимов в разных частях речи: прежде всего, среди наречий и прилагательных, но встречаются случаи омонимии с предлогами и конвербами. Часто такая омонимия трактуется как рекатегоризация частей речи, вызванная процессом грамматикализации [Abraham 1991: 132]. В ряде случаев можно говорить о полифункциональности языковых единиц, либо о «гибридности» – совмещении функций в одном и том же употреблении.

С типологической точки зрения модальные частицы представляют собой маргинальное явление. Так, В. Абрахам считает, что только четыре континентальных языка западно-германской подгруппы имеют в

своем арсенале модальные частицы: немецкий, голландский, западно-фризский и идиш. Он отмечает, что ни в славянских языках, ни в романских языках модальные частицы не встречаются. На первый взгляд, это утверждение может показаться странным, однако оно объясняется тем, что В. Абрахам рассматривает модальные частицы с морфологической точки зрения. Такой структурный тип, по его утверждению, встречается только в перечисленных выше языках.

В. Абрахам предлагает следующие критерии для определения модальных частиц:

- 1) модальные частицы могут появляться только в средней зоне предложения (т.е. внутри глагольной рамки);
- 2) они не могут находиться в инициальной позиции в декларативном предложении;
- 3) модальные частицы имеют омонимы в других частях речи.; омонимы жестких позиционных ограничений не имеют;
- 4) существуют ограничения на употребления модальных частиц в разных типах предложения.

Наша подборка примеров по Корпусу (КЯИ) показывает: почти все лексемы, которые мы первоначально определили как модальные (дискурсивные) частицы германского компонента, могут оказываться в инициальной позиции. Это может говорить либо о том, что в инициальной позиции мы имеем дело с омонимами, либо же о том, что нет прямой корреляции между синтаксической позицией и частеречным статусом частицы.

Частицы, заимствованные из славянских языков, также обладают модальными свойствами и иллокутивным зарядом, который препятствует их свободному употреблению в некоторых типах предложений.

Для каждой из этих частиц дискурсивное употребление характерно в большей или меньшей степени. Для некоторых из них дискурсивное употребление является единственно возможным: например, употребление лексем *dox*, *že*, *take*, *až* – всегда дискурсивно.

В *Таблице 2* мы приводим данные о том, в каких частях речи дискурсивные частицы имеют омонимы.

Таблица 2. Дискурсивные маркеры и их омонимы

Языковая единица (частицы)	Частречная принадлежность и значение					
	Частицы	Наречия	Союзы	Прил.	Предлог.	Существ.
Dox	ведь, же					
Nox	еще	Еще			после, за	
Nor	л и ш ь , только	т о л ь к о , исключительн о, единственно	н о , однако, а			
Blojz	т о л ь к о (т о л ь к о один)	только		г о л ы й , обнаженны й		недостато к, пробел
Šojn	уже, уж	уже				
Ruik	р о в н о , спокойно	ровно		ровный		
Glajx	Прямо	прямо, ровно, с р а з у ж е , тотчас		п р я м о й , ровный		
Akurat		прямо, именно				
Akeršt	Только	только				
Grod	п р я м о , именно	прямо		прямой		
Punkt	Т о ч н о (вполне)	точно, ровно				т о ч к а , степень

Gevejntlex	конечно	обычно, по большей части		обычный, всегдашний		
Pošet	просто	просто		простой		
Take	таки					
Že	же					
Až	аж					
Afile	даже					
Xotš	хоть		хотя			
Ojx	тоже, также	Тоже				

* Обозначения по словарю А. Гаркави (1912) [Harkavy 1988] в тех случаях, когда оно не совпадает с обозначением, принятым в словаре И. Ниборского и Б. Вайсброта.

Ядро дискурсивных частиц составляют модальные частицы общегерманского происхождения. В этой связи дискурсивные частицы языка идиш представляют интересный материал для сопоставительного изучения в рамках германских языков, но это, однако, выходит за рамки нашего исследования.

Часто бывает затруднительно разделить дискурсивное и недискурсивное использование данной группы лексем в силу абстрактности значений, которые они выражают. В отношении этих единиц уместно говорить о «гранях» значений в том смысле, в каком этот термин употребляется в статьях К.Л. Киселевой, Д. Пайара и К. Банно, С.В. Кодзасова (см. выше [Киселева, Пайар 1998; Банно, Кодзасов 1998]). «Грани» значения проявляются в зависимости от сочетания с соседними единицами. Внешние «деформации» контекста связаны, по-видимому, с синтаксической позицией в предложении. Особенности дискурсивного употребления частиц более подробно будут рассмотрены в следующем разделе.

Союзы

В языке идиш союзы представлены обширной группой языковых единиц, но лишь некоторые из них употребляются именно как дискурсивные маркеры. С функциональной точки зрения союзы осуществляют связь между группами слов, словами или предложениями [Jacobs 2005: 202]. Выступая в качестве дискурсивных маркеров, союзы соединяют не только примыкающие, но и находящиеся на большом расстоянии клаузы, устанавливая между ними определенные логические отношения, такие как «включение», «исключение», «ограничение», «дополнение». В этом смысле можно понимать действие таких дискурсивных маркеров-союзов как союзов на глобальном уровне текста.

Спорным является вопрос о включении в состав дискурсивных маркеров подчинительных союзов, которые также устанавливают соотношения между клаузами. Собственно, многие исследователи так и поступают. В первой главе мы уже описывали подход Б. Фрейзера и Д. Шифрин (см. выше), которые включают в состав дискурсивных маркеров подчинительные союзы. С нашей точки зрения, это не совсем верно. Следует ввести следующее ограничение: для того, чтобы языковая единица была признана дискурсивным маркером, она должна проявлять имплицитные отношения между блоками информации в дискурсе.

Н. Джейкобс указывает, что в идише союзы не являются членами предложения и не влияют на порядок слов, как в главной, так и в зависимой клаузе [Jacobs 2005: 203]. Сходного понимания придерживается Ю. Марк [Mark 1978: 89-90]. И. Зарецкий, анализируя синтаксическое поведение союзов, выделял среди них союзы, «лишенные значения», и конъюнктивы (смыслообразующие элементы,

считающиеся членами предложения). Аналогичное разделение обнаруживаем у М. Шехтера [Schaechter 2003: 455].

Ю. Марк, основываясь на семантическом подходе, выделяет 4 группы союзов, отвечающих за выражение отношений: конъюнкции, дизъюнкции, сравнения, цели (а также условия, утверждения), темпоральных отношений, а также союзы, указывающие на выводы/заклучения. В целом соглашаясь с классификацией Ю. Марка, Н. Джейкобс выделяет следующие группы союзов в идише [Jacobs 2005: 204]:

- 1) конъюнкции: *un* 'и', *i...i* 'и X...и Y', *hen...hen* 'оба X и Y', *saj... saj* 'как X, так и Y', *ojx* 'тоже, также';
- 2) дизъюнкции: *ober* 'но', *oder* 'или', *oder... oder...* 'или X или Y', *ober...ober...* 'либо X, либо Y', *nor* 'только, но', *najert* 'скорее', *abi* 'пока', *kol-zman* 'пока', *dox* 'еще, все еще', *blojz* 'просто', *tsi* 'или', *afile* 'даже', *nit nor... nor oix* 'не только, но и также'; в качестве дизъюнкций могут выступать также препозиции: *anštot* 'вместо', *ojsjer* 'кроме', *xuts/mexuts* 'кроме';
- 3) сравнительные конъюнкции: находятся на грани между союзами и предлогами: *azoj vi* 'так как', *glajx vi* 'прямо как', *akurat vi* 'прямо как';
- 4) подчинительные конъюнкции [Там же: 206]: вводят зависимые клаузы.

Н. Джейкобс выделяет 2 типа единиц: 1) имеющие семантическое содержание, 2) единицы, выполняющие, прежде всего, синтаксические функции. К первому типу относятся подчинительные союзы (целевые, причинные, асертивные и т.д.): *vajl* 'потому что', *xotš* 'хотя', *hagam*

‘хотя’, *kedej / bikdej* ‘потому что’ – конъюнкции этого типа не вызывают инверсии и требуют после себя подлежащего. Ко второй группе относятся вызывающие инверсию единицы *derfun* ‘из-за этого’, *derfar* ‘поэтому’ и единица *lemaj* ‘почему’ (о статусе которой ведутся споры) см. [Mark 1978: 103].

Как видно из приведенной классификации Ю. Марка, некоторые из перечисленных здесь союзов уже упоминались в составе модальных частиц. Это свойство подчеркивает способность этой категории языковых единиц к рекатегоризации. Регулярно используются в дискурсивной функции (и на этом основании являются дискурсивными маркерами) союзы *ober* ‘но’ и *un* ‘и’. Лесемы *afile* ‘даже’, *дох* ‘ведь’, *nor* ‘но’ мы относим к модальным частицам. Подчинительные союзы, с нашей точки зрения, не могут выступать в качестве дискурсивных маркеров, поскольку задают отношения для примыкающих клауз и не демонстрируют устойчивой способности «выявлять» имплицитные взаимоотношения между разными клаузами.

UN

Значения лексики *un* в словарных статьях описываются следующим образом: 1) ‘и, да’, 2) ‘и’ (для соединения одинаковых слов в целях усиления, например: «*все быстрее и быстрее*»), 3) ‘а’ (например: *er fort avek un ix blajb* ‘он уезжает, а я остаюсь’). Между тем, в текстах встречаются, казалось бы, немотивированные случаи употребления *un*, когда лексема появляется в инициальной позиции в предложении. Не утрачивая функции союза, *un* выступает в качестве коннектора, связывая блоки информации, удаленные друг от друга на расстояние нескольких клауз. *Un*-инициальное может использоваться для маркирования начала пассажа, когда после побочного сюжета повествование возвращается в прежнее русло.

Ober

Лексема *ober* может функционировать в качестве союза, наречия и частицы. Наречие *ober* передает значение 'снова, опять'. В качестве союза *ober*, в зависимости от контекста, может означать: 1) 'но, однако, зато, только, да' (например, во фразе: *X'volt zix durxgegan, ix hob **ober** nit ven* 'Я бы прогулялся, но некогда'); 2) выражает противопоставление 'но, однако, а, же' (например: *Dos jingl lejent gut, er šrajbt **ober** šver* 'Мальчик читает хорошо, **a** пишет плохо'); словарь Тищенко выделяет в качестве отдельной формы *ober*-частицу 'же, и', например во фразе: *Ix **ober** gevust!* 'Я так и знал' [Тищенко 2013: 3].

Междометия

Междометия – неизменяемая часть речи, выражающая чувство или побуждение. К междометиям причисляются слова-обращения и призывы. В идише междометия представлены единицами: *ah, aha, fe, oh, nu, oj, oj-vej, vi azoj, te-te-te* [Schaechter 2003: 119].

Междометия осмысляются как самостоятельные знаки «выражения душевного состояния» [Виноградов 1947: 746]. Часто они представляют собой целостные высказывания – эквиваленты предложения. Способность междометий выражать смысловые «блоки» и регулярность использования их в текстах, позволяет говорить о междометиях, как о дискурсивных маркерах. Дискурсивность их заключается в том, что, они, по сути, служат комментарием к ситуациям, знаками, указывающими на не выраженный эксплицитно блок информации.

Междометия часто используются в качестве вводных слов. *Nu, vos že?* 'Ну, что же?', в устной речи они часто являются маркерами хезитации.

NU

Многофункциональная десемантизированная лексема славянского происхождения (441 вхожд. по Корпусу (КЯИ)) относится, как правило, к диалогической речи, хотя встречается и в монологе (равно как и в повествовательном дискурсе). Лексема способна выражать широкий круг интенций говорящего: 1) побуждение к совершению какого-нибудь действия; 2) нетерпение; 3) возражение; 4) неохотное согласие; 5) готовность обсуждать; 6) сомнения и др. Естественная (наиболее частотная) позиция в предложении для *nu* – инициальная. Лексема *nu* выполняет функцию вводного слова, но может употребляться и обособленно: *nu-nu!* 'ну-ну!'. Кроме того, лексема *nu* может служить вопросительным словом и употребляться обособленно: *Nu?* Употребление *nu* сигнализирует читателю / адресату, о некоторой заминке говорящего, связанной либо с противоречием предыдущего блока информации положению вещей, либо с проблемой выбора / подбора подходящего ответа. Таким образом, лексема *nu* служит маркером «хезитации». Лексема также может сообщать о подведении итога (34-36):

(34)- **Nu**, ojb azoj, vil ix take ale tog, in der fri a hejse bulke mit a friše puter! 'Ну, если так, хочу всегда по утрам горячую булку со свежим маслом' [I.-L.Perets. Bontše-švajg]

(35)– Vos iz di mesiba? 'Что за вечеринка?'

– *Mesiba? Nu, jo, jo majn bruder vert ben-hamišim.* ‘Вечеинка? Ну да, моему брату исполняется пятьдесят’ [B.Sandler. *Draj hejn-pintlex*]

(36) *Nu jo, šver tsu zajn a halber jid...* ‘Да, трудно быть наполовину евреем’ [Forverts 2007.02.09]

Естественная (наиболее частотная) позиция в предложении для *nu* – инициальная. Лексема *nu* выполняет функцию вводного слова, но может употребляться и обособленно: *nu-nu!* ‘ну-ну!’. Лексема *nu* образует устойчивые сочетания со многими незнаменательными словами: *nu jo* ‘ну да’, *nu šojn* ‘ну, давай!’, *nu že!* ‘ну же!’, *nu, iz vos?* ‘и что?!’, работая при этом как усилительная частица.

Лексикализованные фразеологические обороты и вводные слова

Некоторые устойчивые выражения и обороты могут функционировать в качестве дискурсивных маркеров. Речь идет о вводных конструкциях, таких как: «как говорится», «как водится», различных вставочных конструкциях типа «не дай бог» и мн. других. В языке идиш такие фразеологические вставки представлены довольно обширной группой выражений:

dos hejst ‘то есть’,

hert ir ‘слышите’,

ir farštejt ‘понимаете’,

zog ix ajx ‘говорю вам’,

der emes gezogt ‘по правде говоря’

far kejnem nit gedaxt ‘ни о ком не будь подумано’;

mit gots helfn ‘с божьей помощью’

abi gezunt ‘бы были здоровы!’

К этим вводным оборотам примыкает обширная группа фразем-«пожеланий», представляющих собой своеобразные формулы-пожелания, спаянные в один интонационный контур: *raxmonelitslan* ‘упаси Бог’, *lehavdl* ‘не рядом будь помянут’, *holile* ‘слава Б-гу’, *kenore* ‘чтоб не сглазить’, *alevaj* ‘дай Бог каждому’, *šlite* ‘да проживет он долгую и счастливую жизнь’, *mirtsešem* ‘если Богу будет угодно’, *bexejrem* ‘под страхом отлучения, хоть убей’ и другие. Такие фраземы встречаются не только в письменном дискурсе, но и в устной спонтанной речи современных носителей¹⁶. Выражения, относящиеся к семитскому компоненту лексики идиша, представляют собой фразы на древнееврейском языке, адаптированные в идише в виде словоформ с единым интонационным контуром. Например, *šlite* (вставляется после имени раввина) представляет собой аббревиатуру фразы на древнееврейском: **š**eizke **l**ejomim **t**ovim **v**aarukim ‘пусть живет долгую хорошую жизнь’; *kinore* ‘чтоб не сглазить – фонетически сокращенная фраза *kejn-ejn-hore*, состоящая из отрицательного артикля *kejn* и древнееврейского словосочетания *ejn ha-ra* ‘дурной глаз’ (буквально: ‘никакого дурного глаза’). Эти выражения представляют собой интонационно обособленные единицы, но редко используются в инициальной позиции в предложении, чаще они употребляются в среднем поле предложения, и их употребление сходно с эпитетами. Упомянутые лексикализованные фраземы являются ярким примером процесса десемантизации, характерного для языковых единиц (в том числе и словосочетаний), утрачивающих семантическую прозрачность [Кустова 2012: 350]. Их дискурсивная функция состоит в том, чтобы выразить отношение говорящего к ситуации в плане оценки по шкале

¹⁶ Мы зафиксировали частотное использование выражений: *lehavdl* ‘не рядом будь помянут’, *holile* ‘упаси бог’, *mirtsešem* ‘если Богу будет угодно’, *alevaj* ‘дай Бог каждому’ и мн. др.

хорошо/плохо, (и следовательно – желательно / нежелательно). С точки зрения грамматики лексикализованные словосочетания представляют собой формулы пожелания. Пожелание в идише может выражаться при помощи глагола *zoln* ('пусть, чтоб...' в конструкции *zol zajn*), но может появляться и без глагола. Например, традиционное пожелание при прощании: *Gezunt un štark!* 'буквально: 'здоровый и крепкий' в более развернутом виде: *Zol zajn gezunt un štatrk!* 'Чтоб ты был здоровым и крепким'.

2.3. Проблема дискурсивного употребления некоторых языковых единиц в идише

Как показывает описание инвентаря дискурсивных маркеров, предпринятое в предыдущем разделе, функционирование языковой единицы в качестве дискурсивного маркера возможно для единиц различной частеречной принадлежности (прежде всего для частиц и наречий), а также для словосочетаний. Можно говорить о том, что дискурсивные маркеры — это не часть речи, а особая функция. Данное утверждение согласуется с выводами, полученными исследователями на материале других языков (см. например, [Стародумова 1997; Blakemore 2002]). При употреблении языковой единицы в качестве дискурсивного маркера, она может приобретать иные, отличные от «базового», значения. В некоторых случаях дискурсивная составляющая ярко выражена, однако часто интерпретация языковой единицы в качестве дискурсивного маркера вызывает затруднения. В лексикографических источниках словарные статьи, как правило, перечисляют дискурсивные значения слова наряду с недискурсивными. Например, лексема *gevejntlex* 'обычно' в словаре Тищенко [Тищенко 2013: 338] имеет следующие значения: 1) 'обыкновенно, обычно, по большей части'; 2) 'конечно'.

(37) **Gevejntlex** faršpetikt zi zix ništ. 'Обычно она не опаздывает'.

(38) *In a zaveruxe, **gevejntlex**, veln mir ništ efenen.* 'В метель мы, конечно, не откроем' [Schaechter 2002:101].

В примере (37) мы имеем дело с использованием лексемы в ее базовом значении, в примере (38) можно говорить о функционировании лексемы *gevejntlex* в качестве дискурсивного маркера. Дискурсивная

составляющая проявляется в следующем: говорящий апеллирует к некоему обыденному положению вещей (во время вьюги дверь не открывают), о котором, как полагает говорящий, известно не только ему самому, но и его собеседнику. В данном случае можно говорить о том, что у лексемы *gevejntlex* развилось специфическое значение, но она не утратила своего «базового» значения.

Вопрос о том, каким именно образом возникает дискурсивное значение, – дискуссионный. Возможно несколько вариантов соотношения дискурсивной единицы со словом той или иной частеречной принадлежности: 1) омонимия (*glajx* (прил. гладкий) и *glajx* (наречие гладко, в ряде случаев имеющее значение прямо-дискурсивное); 2) полисемия (при сохранении семантического инварианта (лексемы *šojn* ‘уже/уж’, *gevejntlex* ‘обычно/конечно’); 3) модификация значения под влиянием контекста; 4) гибридность (когда в одном и том же употреблении совмещаются дискурсивные и частеречные функции, как это происходит, например, в случае с *nu* ‘ну’, *ojx* ‘тоже’).

Между дискурсивным и дискретным употреблением, по-видимому, нет четкой границы. В соответствии с выработанными нами в 1 главе критериями для отнесения языковой единицы к дискурсивным маркерам должны быть соблюдены следующие условия: 1) факультативность (дискурсивный маркер – факультативный элемент, от изъятия которого пропозиция высказывания не меняется); 2) сфера действия дискурсивного маркера распространяется более чем на одну клаузу и / или относится к комментирующему пласту лексики; 3) устойчивое употребление в качестве дискурсивного маркера; 4) дискурсивная единица может выражать отношение (иными словами, «установку») говорящего относительно положения вещей.

Многие исследователи отмечают, что высокая степень «десемантизации» слова является предпосылкой для перекалфикации языковой единицы в дискурсивный маркер. Не случайно источниками пополнения дискурсивных слов часто являются незначительные элементы (частицы, союзы, междометия). Очевидно также, что степень проявленности дискурсивной функции может быть разной. В идише существуют языковые единицы с ярко выраженной дискурсивной функцией, например, коммуникативные частицы *dox* 'ведь', *že* 'же', *taki* 'таки'. Эти частицы функционируют в качестве коммуникативно-прагматического знака и обладают широким спектром значений, которые проявляются в зависимости от контекста. Их вклад относится, в первую очередь, к коммуникативной сфере высказывания. Выраженной дискурсивной функцией обладает также группа лексем, по форме близкая к адвербиалам: *agev* 'кстати', *dereh agev* 'между прочим', *bixlal* 'в общем', *aderabe* 'более того', *dehajne* 'именно', *dafke* 'а именно; именно', *avade* 'конечно', *sof-kol-sof* 'в конце концов', *xlebn* 'естественно' и др., которые, по-видимому, используются исключительно в качестве дискурсивных маркеров. В ряде случаев, «дискурсивная» лексема имеет омонимы в других частях речи. В таких случаях ряд исследователей предлагает видеть феномен рекатегоризации (например, для дискурсивных маркеров английского языка [Fraser 1999: 947, Blakemore 2002: 142]).

Вопрос о роли междометий в дискурсе еще далек от разрешения. Класс междометий представляет собой очень разнородный набор элементов – от звукоподражаний до устойчивых словосочетаний и фразеологизмов – которые выделяются по апофатическому принципу: «междометия **не** выражают связь между словами», «междометия **не** являются знаменательными словами» [Шведова (ред.) 1980: 732-733].

Как правило, мы **не** интерпретируем междометия в качестве дискурсивных маркеров в следующих случаях: звукоподражания, вокативные междометия, различные виды команд («фу», «тпру»), а также случаи, когда междометия выступают в качестве заполнителей семантических пропусков (например: *характер у него ого-го*). Междометия же, функционирующие как заполнители пауз, маркеры хезитации, маркеры самоперебива, такие как *ni* 'ну', *oh* 'ох', мы считаем дискурсивными маркерами в тех случаях, когда их употребление сходно с употреблением вводных оборотов и слов в предложении. Междометия являются по большей части принадлежностью устного модуса, однако и в письменном тексте междометия также достаточно частотны. Наиболее распространенным междометием, регулярно выступающим в качестве ДМ¹⁷, является междометие *ni* 'ну'. Следует также обратить внимание, что междометия в интересующих нас дискурсивных проявлениях функционируют как вводные слова. То есть, подготавливают слушателя / адресата к восприятию дальнейшей информации.

Союзы *un* 'и' и *ober* 'но, а' обладают способностью совмещать функции дискурсивного маркирования с функциями союза. Пример такого употребления *un* был отмечен нами в рассказе Б. Сандлера "Draj simanim" ('Три знака'). Еще более необычный случай употребления *un*-инициального был отмечен нами в рассказе И.-Л. Переца "Ojb ništ nox hexer", когда рассказ начинается таким образом:

(39) **Un** der nemirover flegt slixes-tsajt jedn frimorgn nejlem vern, faršvundn! 'И ежедневно на рассвете во время слихос Немировский ребе исчезал' [I.-L. Perets. Ojb ništ nox kliger].

¹⁷ Здесь и далее ДМ – «дискурсивный маркер».

В данном случае это стилистический прием, возможно, пародирующий тексты и переводы Танаха (библии), где тексты нередко начинаются с *un*: **Un** *er iz gebojrn gevorn nox Avšojlem* ‘И он родился после Авесалома’ [Jehoaš. Tanax. Mloxim A]). Однако тенденция использовать *un*-инициальное в качестве маркера возвращения к магистральной линии повествования достаточно устойчива. Во всяком случае, в прозе И.-Л. Переца этот прием встречается неоднократно.

Приведенные примеры не позволяют составить представление о синтаксическом поведении *ober*, поэтому за дополнительными примерами мы обратились к Корпусу (КЯИ). Корпус наряду с приведенными выше примерами употребления *ober* в среднем поле предложения (в том числе, внутри глагольной рамки) фиксирует употребление *ober* в инициальной позиции (4139 вхождений). По всей видимости, *ober*-инициальное функционирует как союз, связывая две примыкающие клаузы и указывая на противопоставление. На наш взгляд, это не дискурсивное употребление

(40)*Di katoliše kirxe hot mameš bankrotirt. Ober di hierarxie vil es ništ anerkenen.* ‘Католическая церковь действительно обанкротилась. Но иерархия этого не хочет признавать’ [Forverts 2006-2010]

Рассмотрим другой случай. В рассказе Менделе Мойхер-Сфорима “*Di alte majse*” речь идет о фамилии героя.

(41)*Faršribn iz er geštanen in dem reester fin di nešomes mit der familie Kurnose. {4 клаузы} Di familie zajne iz ober geštanen take nor in reester un gehejsn hot er gevejnlex Benjamin der mentš* ‘В переписи населения он был записан под фамилией Курносый’. {4 клаузы} ‘Фамилия его **однако**, была только в реестре, а назвали

его обычно Беньомин-человек' [Mendele Mojxer-Sforim. Di alte majse].

В данном примере *ober* принуждает читателя / слушателя мысленно вернуться к тому факту, на несоответствие которому указывает дискурсивный маркер. Дискурсивный маркер *ober* указывает на контрастный характер сообщения.

(42) *Kimat ale fun ejn dor, šojn ajngevortslt do, ober kenen zix nox fun dortn, gedenken zej ejner dem tsvejter nox fun kindšaft, meglex, zix gelernt in ejn klas.* 'Почти все они были из одного поколения, уже укоренившегося здесь, но познакомились они еще там, и помнили друг друга еще с детства, быть может, со школьной скамьи' [Sandler. *Draj hejn-pintlex*].

Подчеркнем еще раз, что союзы и «союзные» дискурсивные маркеры очень близки по своим функциям. И те и другие устанавливают связи между элементами. Различие заключается в том, что дискурсивный маркер действует на межклаузальном уровне (см. сформулированное нами выше правило: клаузы не должны примыкать друг к другу). Однако в ряде случаев, в одном и том же употреблении лексема может совмещать функции союза и дискурсивного маркера, в этом случае мы говорим о гибридности.

Рассмотрим более подробно многофункциональные лексемы, выступающие в некоторых случаях как модальные частицы: *šojn, nox, nor, blojz, oix, punkt, grod, glajx, gevejn(t)lex, gor, dox* и ряд других. Все эти единицы сильно десемантизированы и имеют омонимы в других частях речи.

Šojn

Лесема *šojn* (8833 вхождения по Корпусу) относится к германскому компоненту. В словарях отмечаются следующие значения: 1) в качестве наречия *šojn* передает значение 'уже' / 'наконец'; 2) 'сейчас же, прямо сейчас'; 3) 'уж'. В семантике *šojn* присутствует темпоральный компонент, который достаточно жестко требует достройки контекста в определенном направлении. Рассмотрим пример:

(43)*Er iz šojn gekumen* 'Он уже пришел'. Развитие событий можно записать следующим образом:

- a) 'в течение некоторого времени ситуация P (он пришел) не имела места' (то есть имела место ситуация не-P);
- b) 'можно было ожидать, что в момент t он придет (в данном случае t – момент говорения);
- c) 'ситуация P начала иметь место в момент говорения или раньше'.

(44)*Cu der cajt, ven Aš iz gekimen kin Amerike, iz di cajtung šojn geštanen af di fis* – 'К тому времени, когда Аш приехал в Америку, газета **уже** встала на ноги' [Forverts 12.2006].

Ситуация не-P, имевшая место до наступления момента t, может быть артикулирована в соседней клаузе (44), либо подразумеваться (43). Формально, казалось бы, пример (43) соответствует критерию «ДМ устанавливает связь между клаузами на расстоянии, большем чем примыкающая клауза». Ситуация «он уже пришел» отличается от ситуации «он пришел» тем, что наличие «уже» отсылает нас к предыдущему контексту, и в таком функционировании «уже» можно усмотреть дискурсивность. Однако такое употребление, вероятно, нельзя признать дискурсивным в чистом виде, поскольку в данном случае *šojn* утрачивает свою модальную составляющую.

Рассмотрим другие примеры употребления *šojn*. В ряде случаев *šojn* приобретает значение 'уж' (приводится по [Тищенко 2013:1080]):

(45) *Šojn gorništ azoj šlext* 'не так **уж** плохо'

(46) *Zol šojn zajn azoj* 'так тому и быть' (буквально: 'пусть **уж** будет так')

(47) *Mir faršpetikt šojn azoj* 'мы и так уже опоздали'

(48) *Genug šojn!* 'хватит! достаточно!' (буквально: 'достаточно уже / уж!')

В приведенных примерах отметим следующую особенность: употребление *šojn* носит оттеночный характер. Выступая в качестве частицы, *šojn* позволяет передать оттенок отношения говорящего к происходящему. Отношение это можно характеризовать как «некоторая степень разочарования», *šojn* в данных контекстах свидетельствует о несоответствии ситуации намерениям / ожиданиям говорящего. Темпоральный аспект значения *šojn* при этом ослаблен. В примере (49) *šojn* усиливает негативную оценку ситуации, переданную через глагол *faršpetikt* 'опоздать'.

(49) *Zol šojn kumen di geule*. 'Пусть (**уже**) придет избавление' [Š. Kacherginskij]

В примере (49) *šojn* в сочетании с оптативом выступает как экспрессивная частица, усиливающая пожелание («уже» в данном случае дает возможность интерпретировать фразу таким образом: «скорей бы уже пришло избавление»). Эта фраза из популярной еврейской песни отсылает слушателя к некоему общему «фонду знаний», а именно: автор песни подразумевает философский концепт избавления «геула», связанный с приходом Машиаха (мессии). Этот концепт хорошо известен носителям еврейской культуры и вызывает

ассоциативный ряд, который позволяет воспринимать слова песни в определенном ключе.

В ряде случаев *šojn* употребляется в значении «и так», «и все» [Тищенко 2013: 1081]. Зельда Каган-Ньюмен, изучавшая нарративы хасидов Нью-Йорка, обратила внимание на маргинальное использование лексемы *šojn*, при котором *šojn* приобретает значение 'итак', 'так что ...'. Каган-Ньюмен отмечает, что такая модификация значения происходит, когда *šojn* оказывается в интонационно обособленном положении между двумя клаузами:

(50) *Zi vil zix trefn mit mir, di parsiše šadxante. Šojn. X'hob zix getrofn mit ir.* 'Она, персидская сваха, хочет встретиться со мной. **Так что**, я с ней встретился [Kahan Newman 2015:189]

В Корпусе (КЯИ) мы также обнаружили пример подобного употребления.

(51) *Gevolt hot er az af zajn matseva zol zajn ojsgekritst zajn epitaphie: do ligt Moše Altman funem štetele Lipkan. Iz geven a jid vos hot ongešribn a lid un gevorn mid. Šojn... Ligt Moše Altman tsvišn tslalim un zajn matseva kukt ariber /.../ 'Хотел он, чтобы на его могиле была написана эпитафия: «Здесь лежит Моше Альтман из городка Липкин. Это был человек, который песню написал и устал». **И все**. Лежит Моше Альтман между крестами и его могила /.../ ' [Forverts 2008.05.09]*

Подобное обособленное употребление *šojn* выглядит маргинальным (в Корпусе (КЯИ) обнаружили только одно вхождение с обособленным *šojn*). В нашей подборке художественных текстов подобное словоупотребление не отмечено. Каган-Ньюмен склонна полагать, что в данном случае наблюдается процесс развития инновации, когда под влиянием английского языка в идише у лексемы

развивается новое дискурсивное значение. Во всяком случае, на наш взгляд, здесь можно говорить о модификации основного значения.

Итак, с нашей точки зрения говорить о дискурсивном использовании можно в тех случаях, когда темпоральная составляющая значения ослаблена.

Семантика *šojn* предполагает наличие оценки по «шкале». Главным образом употребление *šojn* ассоциируется с временной шкалой. Однако в определенных контекстах происходит субъективация, появляется компонент сравнения по шкале «ожиданий», которая предполагает следующие градации: ожидание не оправдалось, ожидание не совсем оправдалось (то есть оправдалось, но есть досадные недостатки), ожидание полностью оправдалось, результат превосходит ожидания. Как отмечают исследователи, такая трансформация временной шкалы в шкалу ожиданий достаточно типичное явление [Урысон 2007: 535; Левонтина 2008: 308]. С нашей точки зрения, оценка предполагает наличие как минимум двух сравниваемых компонентов. Даже когда речь идет о двух событиях, расположенных на оси времени (т.е. присутствует временное значение), если одно из них не выражено в клаузе, примыкающей к содержащей *šojn* клаузе, лексема начинает работать как дискурсивный маркер, заставляя слушателя искать второй компонент сравнения. Кроме того, часто *šojn* привносит в констатацию факта эмоциональную оценку. В случаях, когда лексема *šojn* принимает значение «итак», можно говорить о модификации значения. В этом случае дискурсивные свойства лексема *šojn* ярко выражены (интерпретация *šojn* как дискурсивного маркера не вызывает сомнений). Лексема *šojn*-инициальное действует как вводное слово, обособляется, и имеет иные синтаксические свойства, чем *šojn*-внутрифразовое.

Nox

Nox – лексема германского компонента (13453 вхождения по Корпусу).

Несмотря на довольно высокую частотность, в дискурсивной функции *nox* выступает сравнительно редко. Словари упоминают две¹⁸ омонимичные формы: 1) *nox* – предлог (препозиция), передающий значения ‘за’, ‘после’, ‘по’, ‘о’, ‘на’, а также значения, классифицирующиеся в идише как препозиции ‘следом’, ‘согласно (чьему-то мнению)’, ‘в честь (чего-то)’; 2) *nox* – наречие со значением ‘еще’. Нас интересуют дискурсивные модификации значения *nox* – наречия.

(52)*Es lozt zix **gevejnlex** ojs mit **nox** a flešl maške* ‘Это обычно кончалось еще одной бутылочкой водки’ [Mendele Mojxer Sforim. An alte majse]

(53)*Zi hot im gešribn **nox** in Maj.* ‘Она ему написала **еще** в мае’ [Schaechter 2003]

Семантика *nox* может включать «количественную» и «временную» шкалы. Так же, как и в случае с лексемой *šojn*, лексема *nox*-временное может приобретать компонент значения оценки по шкале «ожидаемости» события. Присутствуя в клаузе, лексема *nox* ‘еще’ является триггером прагматической достройки контекста. Например, в предложении (53) присутствие *nox* позволяет достраивать контекст следующим образом: 1) май был давно, 2) говорящий не получил желаемого результата. При этом временное значение лексемы

¹⁸ В словаре Тищенко [Тищенко 2013: 687-688] дается в качестве отдельной омонимичной единицы значение *nokh* как приставки (конверба), которая придает глаголу значение движения следом с целью поймать: *nokhloyfn* (гнаться за). Учитывая, что в настоящем времени приставка отделяется (*Ikh loyf nokh im* ‘Я гонюсь за ним’), следует иметь в виду, что конвербы также дадут некоторое количество «мусора» при запросе по Корпусу.

сохраняется, однако говорящий добавляет свою оценочную интерпретацию. Тот же эффект наблюдаем в следующем примере (54) благословения, действительно, никого еще не исцеляли (т.е. временная шкала присутствует, говорящий привносит дополнительно и свою интерпретацию: имплицитно намекая на то, что и не исцеляют):

(54) *Majne broxes hobn **nox** kejnem nit ojsgehejlt* 'Мои благословения еще никого не исцеляли'. [D. Katz. Ojb ništ nox kliger].

Пример трансформации пространственной шкалы в оценочную наблюдаем в названии произведения И.-Л. Переца:

(55) *Ojb ništ **nox** hexer!* 'Если **еще** не выше!' [Peretz I.-L. Ojb ništ nox hexer]

Отметим, что в сочетании с *mer* 'больше' лексема *nox* принимает значение «более того», и используется как маркер логической разметки в дискурсе.

(56) **Nox** *mer: me hot genumen šafn bazundere jidiše bavegunen* 'Более того, они создавали конкретные еврейские движения' [Forverts 2006-2010]

В целом нужно отметить, что интерпретация значений лексем *šojn* и *nox* в очень большой степени зависят от контекста, иллокутивной силы высказывания, сочетания с различными фокусными и усилительными словами.

Nor / Blojz / Eršt

Лексема германского происхождения *nor* (8317 вхождений по Корпусу (КЯИ)) обладает широким синонимическим рядом. В качестве наречия *nor* передает следующие значения: 'только', 'лишь', 'исключительно', 'единственно'. Выражая ограничения и уступку, передает значения

‘но’ (синоним *ober*)¹⁹, ‘однако’, ‘только’, ‘зато’, ‘хоть / хотя (и)’. *Nor* способно выражать противопоставление: ‘но’, ‘однако’, ‘а’, ‘же’; в ряде случаев функционирует как усилительное слово [Schaechter 2003].

Анализируя данные Корпуса (КЯИ), мы обнаружили, что значение лексемы *nor* варьирует в зависимости от синтаксического положения. Приведем два примера, иллюстрирующих эти вариации. В примере (56) *nor* употребляется в среднем поле предложения со значением ‘только’, в примере (58) *nor* занимает инициальную позицию в клаузе и принимает значение ‘но, однако’:

(57) *In bejs-medraš flegt er kumen davnen **nor** šabes, zejer zelt n imitn der vox, az dos **ojx nor** farnaxt amol tsu minxa* ‘В синагогу ходил он молиться только в шаббат, очень редко на неделе, да и то **ТОЛЬКО** ближе к ночи, к вечерней молитве [Mendele Mojxer-Sforim. Di alte majse].

(58) *Minxa iz **take, vi zогt ir**, ništ kej n tsig, zi vet ništ antlojfn, **nor** davnen darf men.* ‘Минха, как говорится, не коза, она не убежит, однако молиться надо’ [Sholem-Aleichem. Tevje der milxiker].

(59) *Dos iz der alef-bejs fun gantsn materializm, oix fun marksizm. **Nor** der marksizm iz ništ kej n materialism* ‘Это азбука материализма, да и марксизма тоже. **Но** марксизм — это не материализм’ [Hantbux fun antireligiezer propogande].

Дискурсивный маркер *nor*-инициальное (примеры (58), (59)) является синонимом союза *ober* ‘но, однако’, от которого его отличает более широкая сфера действия (выражает отношения не только между соседними клаузами, но и между теми, что находятся друг от друга на расстоянии более одной клаузы). *Nor*-инициальное может

¹⁹ Данное значение зафиксировано только в словаре Тищенко [Тищенко 2013] и Гаркави [Harkavy 1988].

использоваться для выражений отношений контраста. (По Корпусу КЯИ *nor*-инициальное составляет около 10% вхождений). Закрепление «необычного» значения за *nor*-инициальным не означает, что *nor* в своем «базовом» значении ‘только’ (ограничительное) не может оказываться в инициальной позиции. Однако чаще *nor* со значением ‘только’ встречается внутри глагольной рамки или в среднем поле предложения.

Семантика ‘только’ содержит в себе компонент «ограничения» (‘только это’, ‘только такой’), и в ряде случаев выступает как акцентирующая частица (60):

(60) *Hert nor!* ‘Послушайте только!’ [Schaechter 2003]

В сферу действия частицы ‘только’ могут попадать именные группы (ИГ), предикаты, признаки и свойства: в примере (60) сфера действия включает ИГ. На наш взгляд, в данном случае употребление ДМ не дискурсивное.

(61) *Un ale zoln in zinen hobn nor tojves-haklal.* ‘И все чтобы в мыслях имели **только** общие блага’ [Sholem-Aleichem. Будь я Ротшильд]

(62) *Dort iz er mer niSt geven registirt vi a jid, nor vi a poljak.* ‘Там он никогда больше не регистрировался как еврей, только как поляк’.
[Forverts 2009-07-11].

Здесь, на наш взгляд, мы имеем дело с недискурсивным использованием. По нашим наблюдениям сочетание ДМ с частицей *vi* упраздняет возможность дискурсивного толкования.

Дискурсивное назначение *nor* ‘только’ – давать оценку ситуации либо фрагменту ситуации. С помощью *nor* ‘только’ говорящий корректирует восприятие адресатом сообщаемой информации.

Blojz

Лексема *blojz* является неполным синонимом лексемы *nor*, являясь экспликатором значения 'только'. В словарях встречаются следующие значения *blojz*: 1. существительное 'пустота, пробел'; 2. прилагательное со значениями 'голый', 'единственный, отдельный, одинокий'; 2. наречие со значениями 1) 'только', 'просто'; 2) 'кроме', 'единственно', 3) 'только', 'лишь', 'всего лишь' [Niborski, Vaisbrot 2011; Harkavy 1988].

Сфера действия *blojz* может распространяться на именные группы, на свойства объектов, предикаты ('только схожу'), на темпоральные отношения ('только сегодня', 'только в 2000 году') и пр. Можно описать действие *blojz* следующим образом: *blojz* выражает выделение и ограничение некоего подмножества значений **x** в области, связанной с положением вещей **p**.

(63)*Di štot hot men gehaltn farmaxt far jidn. **Blojz** zejer rajxe, vi ojx hojx-gebildete un hojx-kvalifitsirte jidn flegn bakumen a derlojbeniš tsu bazetsn zix in dem kejrex.* 'Город был закрыт для евреев. **Только** богатые, а также высокообразованные евреи получали разрешение поселиться в (его) пределах'. [Forverts 2008-01].

Blojz в данном случае ограничивает множество по признаку и употребляется в грани значения «именно». Дискурсивность в данном случае мы обосновываем отсылкой к предыдущей фразе. *Blojz*, таким образом, связывает людей описанных во входящей в сферу действия ДМ клаузы с *jidn* из предыдущей клаузы.

С нашей точки зрения, независимо от того, на какие именно элементы клаузы распространяется действие *blojz*, его употребление

может быть дискурсивным в зависимости от присутствия оценочного компонента в высказывании. Если присутствует шкала оценки по какому-либо параметру (а оценка всегда субъективна, поскольку есть оценивающий субъект), значит, *blojz* является дискурсивным маркером. Оценка в случае с *blojz* может относиться к темпоральному компоненту (2) или к количественному ('только два человека стояло на остановке'). Однако если в клаузе присутствует уточнение к ограничению ('только двое из десяти стояли, остальные – сидели'), то такое употребление *blojz* мы не считаем дискурсивным.

(64) *Eršt inem jor 1962 hot di ojstrališe regirung derlojbt di aborigenen tsu štimen; **blojz** mit 16 jor tsurik hot zi, sof-kol-sof, onerkent di teritorjele rext fun di altgezesene felker.* 'Впервые в 1962 году австралийское правительство разрешило аборигенам голосовать; **только** 16 лет назад, в 1992, оно, наконец, вернуло права коренному населению' [Forverts 2008].

Eršt

Лексема *eršt* также представляет интересный случай развития дискурсивного значения. «Базовое» значение *eršt* (значение с наиболее явно выраженной семантикой) – 'первый'. В предложно-суффиксальных конструкциях *eršt* дает словосочетания: *cum eršt* 'сперва, прежде, сначала', *cum erštn* 'первым делом, прежде всего'. Эти словосочетания достаточно часто используются в качестве вводных слов и функционируют как дискурсивные маркеры. У лексемы *eršt* есть и другие значения. Наречие *eršt* передает значения: 1) 'только, лишь', 2) 'еще только', 3) 'только что, совсем недавно', 4) 'более чем когда-либо'.

(65) *Eršt in Marc vet ir feter zix umkern.* 'Только (лишь) в марте ваш дядя вернется' [Schaechter 2002].

(66)*Er darf **eršt** kumen.* ‘Он должен сначала прийти’ (пусть сперва придет!)

(67)***Eršt** its redstu vegn dem?* ‘И ты только сейчас говоришь об этом?’

(68)*Dos iz **eršt** a halbe-arbet.* ‘Это только пол-дела!’ [Тищенко 2013: 760-761]

Мы полагаем, что *eršt* – временное и количественное – в данных контекстах проявляет себя как дискурсивная лексема, привнося во фразу оттенок экспрессивности.

Итак, мы рассмотрели синонимический ряд, представленный лексемами *nor*, *blojz* и *eršt*. Вероятно, его можно продолжить. Обращает на себя внимание, что все лексемы принадлежат к германскому компоненту лексики языка идиш. Каждая из этих лексем обслуживает свой круг значений, при этом ядро, область пересечения значений этих трех лексем, соответствует значению ‘только’. Вербальные корреляты ‘только’ представляется возможным отнести к дискурсивным маркерам на том основании и в том случае, если они добавляют высказыванию эмоциональную окраску, которая определяется наличием в семантике слова компонента оценки по шкале желательно / нежелательно (для говорящего), достаточно / недостаточно (для говорящего).

Лексемы *punkt*, *akurat*, *grod*, *glajx*, *glat*, *davke*, *stam*

Общей областью пересечения значений для лексем *punkt*, *akurat*, *grod*, *glajx*, *glat*, *davke*, *stam* является характеристика действия ‘просто, прямо’ (в переносном значении). Например, ‘он **просто** пришел и сел рядом’, ‘счастье приходит **прямо** в дом’.

Punkt

Лексема *punkt* (889 вхождений по Корпусу (КЯИ), из них около 13% в начале клаузы)²⁰ представлена двумя омонимичными формами: существительным *punkt* со значением ‘точка’, ‘степень (точка кипения)’ и наречием *punkt*. В качестве наречия *punkt* обладает развитой полисемией и передает следующий спектр значений: 1. ‘точно, ровно’ (для обозначения временного соответствия *punkt tsvej azejger* ‘ровно в два часа’); 2. ‘прямо’ (для указания направления) *punkt af mizrax* ‘прямо на восток’; 3. ‘как раз, именно, в самый раз’ *punkt di tsajt* ‘самое время’; 4. ‘совсем, вполне, же’.

(69) *Me kon zogn, az dos esn blintses mit smetene in der fri iz baj undz geven a min ritual; punkt vi an ander zuntiker maxl kortoples in di hemdlex* ‘Можно сказать, что эта еда - блинчики со сметаной по утрам была для нас своего рода ритуалом; как и другое воскресное блюдо – картошка в мундире’ [Sandler. *Draj hejn-pintlex*]

Akurat

Достаточно малоупотребительное слово, происходящее из латыни и распространенное во многих языках Европы, в том числе в английском, русском, польском и многих других языках. В идише малоупотребительно (59 вхождений, из них в инициальной позиции – 19).

Основное значение – ‘именно так, именно, точно, в точку’. Лексема может выступать в качестве наречия, указывая место

²⁰ *Punkt* дает устойчивые сочетания: *punkt azoy* ‘именно так’ (186 вхождений).

расположения, и при таком употреблении она не является дискурсивным маркером: **akurat** *inmitn park* ‘**прямо** посреди парка’. Встречаются случаи употребления в качестве наречия времени: **akurat** *far pesax* ‘как раз перед песахом’ [B. Sandler. *Draj hejn-pintlex*]. В обоих приведенных здесь случаях данная лексема не содержит компонента оценки, вследствие чего не является дискурсивным маркером.

Grod

Для лексемы *grod* (256 вхождений по КЯИ) словарь Тищенко описывает две омонимичные формы: *grod*-прилагательное, со значениями: 1) ‘прямой, ровный’, 2) ‘четный’; и *grod*-наречие, передающее значения: 1) ‘именно, как раз’ (**grod** *demolt* ‘как раз тогда’, **grod** *do* ‘именно здесь’), 2) ‘случайно неожиданно’ (*In gloz iz* **grod** *nit geven vaser* ‘В стакане (неожиданно) не оказалось воды’) [Тищенко 2013: 354]. В художественных произведениях, тем не менее, встречаются употребление лексемы *grod* со значением ‘просто’.

(70)*Dos ferdl iz* **grod** *štejen geblibn mitn fesl vajn far der tir*
‘Лошаденка **просто** осталась стоять с бочкой вина перед
дверью’ [Forverts 2006-2010]

Glajx

Лексема германского происхождения (1115 вхождений по КЯИ, 71 вхождение в инициальной позиции) встречается в двух омонимичных формах: 1. прилагательное *glajx* ‘прямой, ровный’; 2. наречие *glajx* со значениями: 1) прямо, сразу же, сейчас же, тотчас, скоро; 2) как будто бы, словно, точно.

(71) *Ojb es iz bašert dos grojse gevins, kumt dos **glajx** in štub arajn.*

‘Если суждено везение, приходит оно **прямо** в дом’ [Sholem-Aleichem. Tevje der milxiker]

(72) *Im iz šojn karg zajn **glajx** mit ale er vil zajn hexer fun ale.* ‘Ему уже

мало быть **наравне** со всеми, он хочет стать выше чем все’ [Mendele. Di alte majse].

(73) ***Glajx** in dem eršten ovnt hot er gebraxt undzer grupe tsu vajzn dem*

štotišn kexila-tsenter. ‘И в первый **же** вечер он привел нашу группу, чтобы показать городской общинный центр’ [Forverts 2006-2010]

Glat

Лексема *glat* относится к славянскому компоненту. В Корпусе (КЯИ) ее частотность невысока – 114 вхождений. Лексема является частичным синонимом лексемы *glajx*. Она представлена двумя омонимичными формами: 1. прилагательным *glat*, передающим значения: 1) ‘гладкий, ровный’, 2) ‘простой обыкновенный’, ‘обычный, нормальный’; 2. наречием *glat*, эксплицирующим значения: 1) ‘гладко, ровно’, 2) ‘гладко’ (в переносном смысле – гладко, без затруднений), 3) в качестве усилительной частицы *glat* передает значение ‘просто’.

(74) *Er iz **glat** a sojte.* ‘Он **просто** дурак’ [Тищенко 2013: 327]

Glat также образует устойчивое сочетание с лексемой *azoj* – *glat azoj* ‘просто так’.

(75) *Azelxe, hot flegn kumen zix mit im an ejtse haltn, **ojx** azelxe fun*

*zajne mekurevim, vos hobn mit im farbraxt abisl di tsajt, **glat azoj**, in a štues.* ‘Подобные приходили к нему держать совет, и тоже такие (подобные) из его приятелей, который проводили немного времени просто так, за разговорами’ [Mendele. Di alte majse]

Stam

Лексема *stam* относится к семитскому компоненту (339 вхождений по Корпусу (КЯИ). «Базовое» значение *stam* – ‘просто, просто так’. В редких случаях может выступать в инициальной позиции (4% вхождений). Лексема также составляет устойчивое словосочетание с наречием *azoj* ‘так’ – *stam azoj* ‘просто так’: *Far vos fregstu? – Stam azoj*. ‘Почему ты спрашиваешь? Просто так’ [Forverts 2007.07.27]).

(76)– *Nejn, nejn... – hot Rejčel zix tsurikgexapt – antšuldikt. **Stam** a nariškajt zix dermont...* ‘Нет-нет, – спохватилась Рейчл, – простите. Это просто глупость напоминать’ [Forverts 2006-2010]

(77)*Dos iz **stam** a bux. ‘Это **просто** книга’* [Тищенко 2013: 740]

Итак, мы рассмотрели ряд лексем, выражающих в определенных контекстах значения ‘просто’ и ‘прямо’. Семантический вклад данных лексем в высказывание можно определить как сопоставление фоновой информации (общего фонда знаний говорящего и слушателя) с фрагментом высказывания, попадающим в сферу действия дискурсивного маркера. При дискурсивном употреблении лексем *stam* ‘просто’, *glat* ‘просто’, *grod* ‘просто’, *glajx* ‘прямо’ проявляется оценочное отношение субъекта к ситуации. Функция этих лексических единиц заключается в том, что они являются экспликаторами отношений выделенного фрагмента дискурса по отношению к «обычному» положению вещей / предыдущему фрагменту и являются комментирующими маркерами.

С прагматической точки зрения появление такой лексемы может приносить в высказывание следующие оттенки: 1) оправдательность, 2) попытка придать своим словам большую убедительность, указывая

на соответствие ситуации обыденному положению вещей. В разнообразных контекстах могут проявляться и другие оттенки.

Ojx

Корпус насчитывает 12326 вхождений лексемы *ojx*. Основное («базовое») значение лексемы *ojx*, определяемой словарями как наречие, – ‘тоже, также’. В большинстве случаев *ojx* употребляется в своем «базовом» значении, однако в ряде ситуаций можно усмотреть дискурсивное использование.

(78) *Kiev hot **ojx** farlojrn zajn xšives in der doziker tsajt.* – ‘Киев тоже потерял свою значимость в это время’ [Forverts 2006-2010]

Как правило, лексема *ojx* в синтаксическом плане ведет себя как частица и употребляется внутри глагольной рамки. Однако Корпус (КЯИ) выдает около 8% случаев употребления *ojx* в инициальной позиции в составе ИГ. В этом случае она выступает как усилительная частица.

(79) *Aza šefldike spektakl hot nox di medine ništ gezen. **Ojx** di velt hot nox azojns ništ gezen.* ‘Такого шикарного спектакля страна еще не видела. **Да и** во всем мире такого еще не видали’ [Lebens frage 2008]

В семантике *ojx* ‘тоже, также’ присутствует компонент отождествления. Частица указывает на повторение ситуации (повторное упоминание предмета, вещи, признака, действия). *Ojx* ‘тоже’ выполняет коммуникативные функции, увязывая новый блок информации со введенным ранее.

Лексемы *že, dox, take*

Лексемы *že*, *dox*, *take* используются, по всей видимости, только в дискурсивной функции, и позволяют выражать очень широкий круг значений. Поля значений этих лексем частично пересекаются. Лексема *jo* принадлежит сфере диалога, с одной стороны являясь «ответным словом», а с другой – диалогической частицей.

(80) *A sax erter vu di jidn hobn gelebt zajnen jo farejbikt gevorn inem folk-zixrojn.* ‘Многие места, где евреи когда-то жили (да, действительно), были увековечены в памяти народа’ [Forverts 2006-2010]

Маркеры этой подгруппы, употребляются в режиме монолога, и служат для выражения оценки говорящим высказывания / ситуации. Кроме того, данные частицы часто используются как стилистическое средство, выражая стилистические предпочтения говорящего (автора). Часто элементы этой группы используются в экспрессивных высказываниях.

Особый интерес представляет частица *take*. *Take* – заимствованная частица славянского компонента. Часто выступает как вопросительное слово: *Take?* ‘Неужели?’ *Take* может переводиться как ‘однако’, ‘все же’. Если в предложении присутствует частица *nor*: *Take der ajgener tevje nor fart ništ der...* ‘Все тот же Тевье, но не совсем’ [Sholem-Aleichem. *Tevje der Milxiker*], лексема *take* функционирует в качестве контрастива. В других контекстах реализуется значение *take* как маркера достоверности – ‘естественно’:

(81) *Ix hob ir telefonirt vetšere-tsajt. Iz zi take geven farnumen mit maxn es.* ‘Я позвонил ей ближе к ужину. Естественно, она была занята приготовлением пицци’ [Schaechter 2003].

Dox

Лексема германского происхождения. Частотность по Корпусу – 2442 вхождений. В словарях Ниборского, Солдатова, Вайнрайха частеречная принадлежность лексемы – наречие. В качестве союза эту частицу трактуют словари Гаркави и Тищенко; словарь Тищенко также описывает данную единицу как частицу. Лексема употребляется для передачи следующего круга значений: 1) ‘ведь, же’ – как указание на нечто известное обоим собеседникам – напоминание о чем-то очевидном: *ix vel gejen in kafe, ix hob dox fun inderfri on gorništ gegesn* ‘пойду в кафе, я ведь (же) с утра ничего не ел’; может использоваться для того, чтобы побудить собеседника согласиться с мнением говорящего; 2) ‘все же, все-таки’ – подчеркивает противопоставление (контрастив); 3) выполняет дискурсивные функции, близкие к функции союзов, являясь лексическим кореллятом: ‘и, а, но, все-таки, тем не менее, однако, но, тем не менее’. Например,

(82) *A mentš iz **dox** ništ kejn hunt.* ‘Человек **все же** не собака’ [Тищенко 2013]

(83) *Ir kent **dox** jiddiš, ajo?* ‘Вы **ведь** знаете идиш, не так ли?’ [Schaechter 2003].

(84) *Un zind **dox** grojs.* ‘А грехи **ведь** велики’ [Perets J.-L. *Ojb ništ nox hexer*]

(85) *Hot er zix farentfert, az er darf **dox** endikn dem blat.* ‘Отвечает он, миснагед, что надо **же** ему закончить страницу’ [Katz D. *Misnagdiše majses*]

Оказываясь в инициальной позиции в клаузе (6%), *dox* приобретает союзные функции и выражает значения «только; однако», указывающие на контраст с предыдущим высказыванием, см. (87):

(86) *Vi a socialist hot er gešept naxes fun di kolektive formen fun lebn un arbet, velxe hot gezen in di kibutsim un mošavim. **Dox** hot er oix gut farštanen, az di kibutsnikes un mošavnikes kenen nit alejn ojsbojen an antviklte gezelšaft* 'Как социалист он испытывал удовольствие от коллективной жизни и работы, которую он наблюдал в кибуцах и поселениях. **Однако** он также понимал, что кибуцники и поселенцы не могут сами построить развитое общество' [Forverts 2006-10-20]

Лексемы *dox*, *že*, *take* обладают выраженным коммуникативно-прагматическим зарядом.

Семантика лексемы *dox* предполагает, что существует общий фонд говорящего и адресата, к которому апеллирует говорящий для обоснования своего мнения. В качестве дискурсивной частицы *dox* 'ведь' употребляется в тех случаях, когда присутствует некая неувязка между желаниями / ожиданиями говорящего и слушающего. Присутствие *dox* 'ведь' само по себе свидетельствует о наличии противоречия в ситуации.

Частица *take* имеет чрезвычайно широкий спектр действия. Ее появление возможно в разнообразных контекстах, которые определяют ее интерпретацию. Лексема *take* так же, как и *dox* 'ведь', отсылает к общему фонду знаний, но *take* не придает высказыванию оттенка категоричности, скорее, *take* смягчает утверждения, а вопросам может придавать двусмысленный характер.

Семантика дискурсивной частицы *že* (заимствованная из славянских языков) выводится исключительно из контекстов, в которых она появляется. Эта дискурсивная частица противопоставляет элемент

высказывания, на которое распространяется ее действие, фоновому контексту.

В заключение этой главы хотелось бы обратить внимание на проблему источников пополнения дискурсивной лексики²¹. Как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе существует немало работ, посвященных исследованию дискурсивной лексики с точки зрения грамматикализации, см. [Abraham 1991; Traugott 1995; Aijmer 2002; Майсак 2005; Bross 2012].

По мнению Э. Траугот, дискурсивные маркеры – это элементы, которые проходят этапы, характерные для процесса грамматикализации, а именно: 1) постепенная десемантизация; 2) утрата категориальной определенности, 3) смещение значения от «объективного» к «субъективному». В грамматикализации дискурсивных маркеров есть одна особенность. А именно: в ходе грамматикализации сфера действия дискурсивных маркеров не сужается, как это происходит, скажем, со вспомогательными глаголами или фокусными частицами, а расширяется [Traugott 1995: 14].

²¹ В данной работе мы не ставили задачи выяснять генетическое происхождение дискурсивной лексики. Элементы языка в разной степени подвержены заимствованиям. Исследователи предлагают различные варианты иерархий, но, в целом, они солидарны в том, что легче всего заимствуется знаменательная лексика, лексические элементы, чем, скажем, порядок слов в предложении [Thomasson, Kaufman 1988: 74; Jacobs 2005, Matras 2009]. С. Томасон и Т. Кауфман связывают порядок заимствования языковых элементов со степенью интенсивностью контакта (по степени усиления контактных явлений): 1) знаменательные слова, культурная лексика (заимствуются легче всего) 2) союзы, частицы (заимствуются при более интенсивном контакте) 3) предлоги и послелого, лексемы входящие в базовый лексикон. Таким образом, заимствование дискурсивных маркеров свидетельствует о достаточно интенсивном контакте. В идише обнаруживается достаточно обширная группа служебной лексики славянского происхождения. При этом, в качестве дискурсивных маркеров, используется лишь небольшое число заимствованных единиц славянского компонента (лексемы *nu, zhe, take, azh*). Это наводит на следующие размышления. Славянский слой служебной лексики был заимствован, по всей видимости, при интенсивных контактах на территории Царства Польского в 16-18вв.. Германский и семитский пласт служебной лексики относится к значительно более раннему времени. Если придерживаться точки зрения, что язык чаще заимствует языковые единицы/ конструкции, которые не представлены в языке-реципиенте, чем замещает уже имеющиеся единицы, то можно предположить, что в идише 17-18 веков уже существовала достаточно устойчивая система дискурсивного маркирования, представленная семитским и германским компонентом (лексемы германского компонента, по всей видимости, восходят к средневерхненемецкому периоду [Lexner 1956]; дискурсивная лексика еврейско-арамейского компонента встречается в словаре Талмудической лексики М. Ястрова, в который включены лексемы, встречающаяся в текстах 2-10вв. н.э. [Jastrow 1971]

Исследователи полагают, что в основе процесса грамматикализации лежат семантические процессы, а изменения в синтаксической структуре является лишь следствием [Майсак 2005: 47]. В идише присутствует целый ряд дискурсивных частиц германского компонента, что делает интересным сравнительное изучение дискурсивного материала двух германских языков: немецкого и идиш.

Исследователи дискурсивных маркеров в немецком языке выделяют периферию и ядро класса модальных (дискурсивных, в нашей терминологии) частиц. Ядро составляют частицы: *aber* 'но', *auch* 'тоже', *bloß* 'только', *den* 'же', *doch* 'ведь, все же', *eigentlich* 'в сущности', *etwa* 'ли', *ja* 'конечно', *mal* 'ка', *nur* 'только', *schon* 'уже / уж', *vielleicht* 'пожалуй, возможно' и *wohl* 'пожалуй, вероятно'. Периферийный класс представлен частицами: *ganz* 'весь, целый', *gerade* 'прямо', *gleich* 'ровно', *einfach* 'просто', *erst* 'сперва, сначала' и *ruhig* 'спокойно' [Bross 2012: 187].

В основе данного разделения лежит явление грамматикализации. Дискурсивные частицы, входящие в периферийную группу, находятся в процессе грамматикализации, а модальные частицы центральной группы уже завершили процесс грамматикализации. Важным отличием дискурсивных частиц центральной группы является то, что все они имеют омонимы в других частях речи, и не могут находиться в инициальной позиции, в то время как на частицы периферийной группы такие ограничения не накладываются.

В идише представлены частицы обеих групп. К ядру модальных частиц в языке идиш можно отнести частицы: *dox* 'ведь', *nor* 'только', *nox* 'еще', *blojz* 'только', *jo* 'правда', *šojn* 'уже', *ojx* 'тоже', *glajx* 'прямо, словно, ровно', *grod* 'как раз, именно'. К периферии относятся

модальные частицы: *gevejntlex* 'конечно', *filajxt* 'возможно'. По сравнению с современным немецким языком инвентарь дискурсивных частиц германского происхождения в идише несколько редуцирован.

Дискурсивные (модальные) частицы являются хорошим примером, подтверждающим теорию грамматикализации, поскольку они удовлетворяют перечисленным выше параметрам. Прочие дискурсивные маркеры, не утратившие способности к обособлению, вероятно, находятся на более ранней стадии грамматикализации.

Выводы по 2 главе

В данной главе были рассмотрены основные группы дискурсивных маркеров языка идиш, распределенных по частеречному принципу. Для ряда лексем была рассмотрена проблема модификации значения в зависимости от контекста и синтаксического положения. Было выяснено, что в ряде случаев синтаксическая позиция играет решающую роль в модификации значения лексем. В других случаях модификация значения проявляется в зависимости от контекста.

Мы также установили, что инверсия в предложении напрямую не связана с дискурсивным маркированием и является опциональной характеристикой, связанной с тема-рематическим зонированием предложения. Немаркированный порядок слов в идише в главной клаузе в индикативе – SVO, характеризуемый фиксированной позицией финитного глагола на втором месте. Инверсия в независимой клаузе, как правило, является дискурсивным средством, маркирующим связь между предложениями и выражающая отношения «последовательности и следствия» [Reershemius 2001: 1468].

Наши наблюдения показывают, что дискурсивные маркеры, находящиеся в инициальной позиции в предложении и не вызывающие инверсии, выполняют союзные функции коннекторов. Внутри глагольной рамки могут оказаться как безударные элементы, так и обособленные обороты типа вводных слов. Жесткого правила, ограничивающего их употребления, выявить не удалось. Было установлено, что для интерпретации дискурсивных частиц с временным и пространственным компонентом в семантике решающим является появление компонента оценки по шкале «желательность / нежелательность».

Были подробно рассмотрены случаи модификации ряда значений лексем. Мы описали случаи позиционно-зависимой модификации значений в случае с лексемами *šojn*, *nor* (десемантизация), *in* (гибридность); и позиционно-независимые модификации значений для лексем *gevejntlex*, *eršt* и *dox*.

При описании дискурсивных значений дискурсивных маркеров мы обратили внимание на то, что можно выделить синонимические ряды лексем. Лексем, являющиеся неполными синонимами, создают поле дискурсивных значений. Такие синонимические ряды были выделены для экспонентов значений: ‘только’, ‘просто’, ‘прямо’, маркеров со значением оценки достоверности (‘естественно’, ‘разумеется’ ‘конечно’ ‘вероятно’, ‘правда’); отдельно было рассмотрено многообразие дискурсивных проявлений лексем со значением ‘уже’, ‘еще’ и ‘тоже’, а также для таких многофункциональных и зависимых от контекста лексем как *dox*, *že*, *take*.

Глава 3. Семантика и прагматика дискурсивных маркеров в языке идиш

3.1. Функционально-семантическая классификация и прагматические свойства дискурсивных маркеров в языке идиш

Как мы отмечали во второй главе, говорить о семантике дискурсивного маркера вне связи с его функционированием в тексте довольно затруднительно. Функциональный аспект включает: 1) коммуникативно-прагматическую роль дискурсивного маркера как на уровне конкретного речевого акта (дискурсивный маркер способен передавать оттенки значения, усиливать или ослаблять высказывание), так и на уровне дискурса; 2) роль дискурсивного маркера в разметке дискурса (которая реализуется на уровне текста). Эти аспекты находятся во взаимодействии. Способность дискурсивных маркеров осуществлять логическую связь между блоками информации в тексте определяет их референциальную функцию. С другой стороны, ряд дискурсивных маркеров составляет имплицитный комментирующий пласт в высказывании.

В идише (как и во многих европейских языках) частеречная отнесенность дискурсивного маркера не имеет решающего значения для функционирования языковой единицы, но, как правило, в качестве дискурсивных маркеров функционируют наречия, частицы и некоторые союзы. Более надежным критерием классификации дискурсивных маркеров представляется их классификация по функциональному принципу с учетом семантики. Были выделены следующие характеристики для распределения дискурсивных маркеров по группам.

Первая характеристика – наличие или отсутствие в семантике субъективного компонента. Многие дискурсивные маркеры являются носителями субъективной модальности. Наличие или отсутствие этой характеристики делит дискурсивные маркеры на две группы: маркеры, обладающие этой составляющей, относятся к коммуникативно-прагматическим знакам, маркеры, лишенные этого признака, являются маркерами разметки дискурса.

Вторая характеристика – оценочность. Большинство дискурсивных маркеров обладает способностью выражать психологическую или ментальную установку говорящего относительно того, о чем он сообщает [Падучева 2016: 59]. В частности, ДМ обладают способностью имплицитно сигнализировать о желательности или нежелательности ситуации, выражать предположения или сомнения относительно достоверности полученного сообщения и вероятности наступления события [Шведова (ред.) 1980: 214–236].

Значения, выражаемые такими дискурсивными маркерами, образуют градуированную шкалу по каждому из признаков. Говорящий может оценивать высказывание собеседника или положение вещей в мире по «шкале достоверности», по шкале «количества и качества» (дискурсивные маркеры, передающие значения: 'едва', 'почти' 'просто', 'только'). Оценка может быть основана на «знании» и иметь когнитивное основание, а может быть основана на эмоциях. В этом смысле к параметру оценки примыкает параметр экспрессивности.

Третий признак – экспрессивность, или эмоциональный заряд. Часто ДМ экспрессивно окрашены и передают такие оттенки высказывания, как ирония, сарказм, возмущение. Как правило,

действие таких маркеров проявляется в косвенных речевых актах. В роли экспликаторов экспрессивности выступают частицы и междометия, а также отдельные словосочетания, которые получили название перформативных оптативов [Плунгян 2011: 436]. По смыслу данные словосочетания являются благословениями и проклятиями, которые и сегодня можно услышать в спонтанной речи носителей языка (например, выражение *lehavdl* 'не рядом будь помянут'). Эти языковые единицы используются многими авторами художественных произведений как стилистическое средство. Дискурсивные маркеры, имеющие в своей семантике компонент оценочности, часто обладают и параметром экспрессивности, но не все ДМ-экспрессивы имеют модальный компонент.

Четвертая характеристика – наличие или отсутствие в семантике субъекта речи. Сюда относятся устойчивые словосочетания, используемые в тексте в качестве вводных оборотов, таких как 'как говорится', 'как водится', 'так сказать'. В прагматических целях говорящий использует подобные ДМ для придания своим словам большего обоснованности, авторитетности. Авторы часто используют подобные ДМ в художественных текстах как стилистическое средство.

Пятая характеристика – способность упорядочивать дискурс. Это свойство присуще ДМ разметки дискурса, которые позволяют соотносить часть и целое: либо в линейном соотношении (выражения типа 'во-первых', 'и наконец'), либо по важности содержания: ('прежде всего', 'а именно', 'в целом', 'в частности'). В этом ряду в качестве отдельной подгруппы можно выделить маркеры резюмирования ('словом', 'короче', 'итак')

Шестая характеристика – способность ДМ устанавливать взаимосвязи и логические соотношения между фрагментами текста.

Этим свойством обладают, прежде всего, союзы, выполняющие функцию коннекторов, и размечающие межклаузальное взаимодействие ДМ. Основные отношения, которые ДМ могут маркировать между клаузами (не обязательно соседними), это отрицание, усиление предыдущего высказывания, контраст.

Таблица 3. Классификация и характеристики дискурсивных маркеров в идише

Характеристики Группы Маркеров	Комментарии			Разметка	
	Оценочность	Экспрессивность	Эвиденциальность	Линейная Разметка	Логическая разметка
1. Маркеры линейной разметки: <i>erštens</i> , <i>tsum erštn</i> 'во-первых', <i>tsvejtns</i> 'во-вторых', <i>tsum sof / lesof / endlex</i> 'и наконец' и др.	-	-	-	+	+

<p>2. Коннекторы (маркеры глобальной и логической разметки): инверсия, <i>in</i> (указывает на продолжение «отложенной» темы), <i>ober</i> (контрастив), <i>nor</i> (контрастив), <i>ni</i> (показатель хезитации), <i>gor-</i> инициальное 'так, а, и'</p>	-	-	-	-	+
<p>3. Оттеночные маркеры: <i>blojz</i>, <i>nor, ober, dox</i> 'только', 'лишь', <i>glajx, grod, stam</i> 'просто', пох 'еще', <i>ojx</i> 'тоже', <i>šojn</i> 'уже'</p>	+	+	-	-	+

<p>Резюмирующие маркеры: <i>Der iker</i> 'главное', <i>beclal</i> 'в целом', <i>bekitser/kitsur</i> 'короче', <i>bexlal</i> 'в целом', <i>ingantsn</i> 'в общем', <i>merstens</i> 'главное', <i>iker</i> 'главное', , <i>mejle, bemejle</i> 'словом', <i>nox+mer, aderabe, ojh+mer</i> 'более того, к тому же', <i>agev 'dos hejst,</i> 'кстати', <i>dereh agev, dafke</i> 'а именно', <i>gufe , lemošl</i> 'например', <i>fundestvegn</i> 'тем не менее'</p>	<p>+/- (для отдельн ых лексем в зависим ости от семантик и и прагмати ческих перемен ных)</p>	-	-	-	+
--	---	---	---	---	---

<p>Маркеры достоверности: <i>avade</i> ‘конечно’, <i>mistome</i> ‘вероятно’, <i>meglex</i> ‘возможно’, <i>efšer</i> ‘возможно’, <i>zet ojs</i> ‘видимо’, <i>vi zogt ir</i> ‘букв. как вы скажете’, <i>klomeršt</i> ‘якобы’, <i>befejreš</i> ‘явно, очевидно’</p>	+	+/-	+/-	-	-
<p>Экспрессивы <i>дох</i> ‘ведь, же’, <i>že</i> ‘же’, <i>stejtš</i> ‘подумать только!’, <i>ober</i> ‘же, и’, <i>lehavdl</i> ‘не рядом будь помянут’, <i>meštens gezogt</i> ‘с позволения сказать’, <i>klebn</i> ‘ей- богу’, <i>kenore</i> ‘чтоб не сглазить’, <i>mirtsešem</i> ‘слава богу’</p>	+	+	-	-	-

Мы выделили основные функциональные типы дискурсивных маркеров, которые охватывают значительную часть лексических единиц (в том числе композитов и устойчивых выражений). При распределении единиц в ряде случаев мы учитывали отдельные модификации значения той или иной лексики как отдельную единицу (например, *ober* фигурирует в трех модификациях своего значения).

С нашей точки зрения, функционально-семантическое поле дискурсивного маркирования имеет два полюса: 1) логический (линейная разметка как вариант логической разметки дискурса) и 2) комментирующий (коммуникативно-прагматический). Комментирующий параметр неизбежно связан с субъективной модальностью, в то время как дискурсивные маркеры могут быть нейтральны к параметру субъективности.

С нашей точки зрения, можно говорить о разделении функций дискурсивных маркеров на «метатекстовые», задающие отношения между блоками информации (сюда входят группа маркеро-коннекторов, группа маркеров линейной разметки) и «контекстные» которые задают отношения внутри блоков информации и / или устанавливают ассоциативные связи (прочие группы субъектно-ориентированных маркеров).

«Метатекстовые маркеры» отвечают за когезию текста, то есть за связь между отрезками текста (дискурса), это структурные единицы без которых, вероятно, не обходится ни один текст. С этой точки зрения можно назвать их «внешними» дискурсивными маркерами. «Контекстные маркеры» являются средствами когерентности (связности) на уровне пассажей (блоков информации). В свою очередь, среди «контекстных маркеров» можно выделить по типу действия три

группы: 1) маркеры, помечающие начало, конец блока информации (под которым мы понимаем цепочку рассуждений на одну тему; часто они могут пересекаться с группой коннекторов глобальной разметки, выполняя одновременно две функции); 2) метатекстовые маркеры-комментаторы, имеющие в семантике указание на субъекта речи (маркеры с эпистемической модальностью ('возможно, вероятно'), маркеры эвиденциальности ('якобы'), вводные слова и выражения (*vi zогt ir* 'как говорится'), и специфические идишские маркеры-пожелания); 3) оттеночные маркеры (дискурсивные частицы).

Когда мы говорим о «базовом» значении дискурсивного маркера, мы имеем в виду, как правило, проявляемые в разных контекстах значения дискурсивного маркера в декларативном предложении. Естественным образом каждый иллокутивный тип высказывания вносит свои коррективы или даже запрет на использование дискурсивного маркера. Многие исследователи отмечают способность дискурсивных маркеров выступать в качестве индикаторов определенного типа речевого акта [Abraham 1991; Bross 2012; Банно, Кодзасов 1998]. На употребление дискурсивных маркеров в тех или иных типах предложения явным образом накладываются грамматические ограничения, в том числе эти ограничения могут быть обусловлены семантикой тех единиц, от которых они произошли. В. Абрахам называет такие ограничения «наследием» [Abraham 1991: 321]. Реализацией речевого акта является высказывание. В качестве критериев типов речевых актов рассматривается, в том числе, их иллокутивная направленность. Присутствие дискурсивного маркера способно либо повышать иллокутивную силу высказывания, либо понижать ее.

Важнейшими коммуникативно-прагматическими функциями дискурсивных маркеров являются следующие: 1) выражение смысловых отношений между текущей ситуацией и принятым положением вещей / ожиданием говорящего; 2) активизация / прерывание развития ситуации / пассажа; 3) дискурсивный маркер является триггером «прагматической достройки» контекста.

Прагматический компонент значения языковой единицы предполагает интенцию. Анализ прагматического значения высказывания / языковой единицы включает в себя интерпретацию того, каких целей говорящий хочет достичь, выбирая языковое средство в определенном контексте. Значение высказывания может быть выражено эксплицитно (при помощи лексических средств) и имплицитно (при помощи дискурсивных маркеров и специфических конструкций). Прагматический компонент проявляется при достройке прагматического контекста.

(89) *Laxt er! Ir kent **dox** di litvakes.* 'Смеется он! Вы **ведь (же)** знаете литваков!' [I.-L. Perets. Ojb ništ nox hexer]

Функция *dox* 'ведь' в данном случае состоит в обосновании утверждения через обращение к здравому смыслу и опыту слушателя. Семантика 'ведь' содержит семантический компонент следующего содержания: «говорящий утверждает, что слушателю известно об истинном положении вещей». Употребляя данную лексему, говорящий усиливает свое утверждение «вы знаете», «напоминая» слушателю о том, что он владеет информацией о литваках в неменьшей степени, чем говорящий.

Выражая свои намерения имплицитно, говорящий должен быть готов к тому, что он может потерпеть коммуникативную неудачу (собеседник его не поймет или поймет неправильно). Приведем пример из рассказа Й. Опатошу. В эпизоде, из которого взят диалог, описана следующая сцена: слепой Зорех жалуется соседке на жизнь и на свою жену Ривку. В это время за дверью раздаются шаги:

(90) Соседка: – *Es geht emetser, tsajt tsu gehen!* 'Кто-то идет, мне пора'

Зорех: – *Vos ejlt ir zix? Dos iz **dox** Rivka!* 'Что Вы торопитесь? Это **ж** Ривка!'

Соседка: – *Nejn, ix gej.* 'Нет, я пойду' [Opatošu. Moris un zajn zun Filip]

В данном случае, употребляя ДМ *dox*, говорящий показывает, что он знает, кто за дверью. Интенция говорящего заключается в том, что он хотел бы, чтобы соседка осталась в комнате, поэтому он пытается убедить собеседницу в том, что приход жены не помешает их беседе. *Dox* в данном случае добавляет оттенок пренебрежения.

ДМ может быть как нейтрален к контексту, так и оказывать на него воздействие, усиливая его или ослабляя.

(91) **Nu**, *gej špar zix mit a litvak!* 'Ну, иди препирайся с литваком!' [I.-L. Perets. Ojb ništ nox hexer]

В данном случае *nu* нейтрально по отношению к контексту высказывания (маркер *nu* маркирует окончание цепочки рассуждений). С грамматической точки зрения в этом высказывании представлена побудительная иллокутивная модальность. Однако это косвенный речевой акт, и смысл высказывания следующий: 'не следует пытаться

спорить, это бесполезно', что и подтверждается дальнейшим повествованием.

Прагматический компонент высказывания меняется в зависимости от экстралингвистической ситуации и контекста употребления, однако количество типовых ситуаций не безгранично. Рассматривая функционирование дискурсивных маркеров с точки зрения прагматики, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой интенции говорящего. С точки зрения ряда исследователей любое высказывание имеет свою цель, свою интенцию (даже если говорящий не отдает себе в этом отчета) [Stalnaker 1978; Bross 2012]. Интенция часто реализуется при помощи триггеров импликатур (то есть элементов высказывания, вызывающих «прагматическую достройку контекста»). В основе этого процесса лежит принцип кооперации, сформулированный Г. Грайсом [Грайс 1985: 221-222], согласно которому говорящий и слушающий заинтересованы в том, чтобы понять друг друга. Дискурсивным маркерам в формировании выразительных средств для передачи интенции отводится роль комментария. С прагматической точки зрения действие дискурсивных маркеров можно типизировать следующим образом.

1. Маркеры «согласования мнений». Дискурсивные маркеры могут:
 - 1) являться идентификаторами несоответствия («контекстные»: *dox* 'ведь, же', *ober* 'но, однако'; «метатекстовые»: *nor* 'но, однако', *fundestvegn* 'тем не менее'); 2) укреплять предположения («контекстные»: маркеры достоверности, оттеночные маркеры; «метатекстовые»: *un* 'и'); 3) служить руководством по интерпретации высказывания с логической точки зрения (маркеры указывают, является ли высказывание выводом, предпосылкой, вариантом развития темы).

2. Дискурсивные маркеры репрезентируют «ожидания» слушателя, выдавая его истинное понимание ситуации (особенно это актуально для оттеночных маркеров и маркеров достоверности).
3. Свидетельствуют об интенсивности ожидания (дискурсивные частицы *že*, *take*, *dox*).
4. Свидетельствуют о релевантности высказывания (насколько важно высказывание с точки зрения говорящего (оттеночные дискурсивные маркеры, маркеры соотнесения выделенной части и дискурса как целого)).

Исследование прагматики функционирования дискурсивных маркеров в идише, безусловно, нуждается в более детальном изучении отдельных единиц. На данном этапе удалось лишь в общих чертах описать основные принципы прагматики функционирования дискурсивных маркеров в языке идиш.

3.2. Некоторые стратегии использования дискурсивных маркеров в художественном тексте

До сих пор мы рассматривали действие ДМ в изолированных контекстах. Для того, чтобы рассмотреть, как используются маркеры в дискурсивной среде, было принято решение обратиться к текстам художественных произведений. Традиционно считается, что дискурсивные маркеры принадлежат, в основном, к устному дискурсу [Кибрик 2009], однако наши наблюдения показывают, что их появление в письменном модусе также достаточно частотно и разнообразно, а анализ художественных текстов предоставляет широкие возможности для выявления функционирования дискурсивных маркеров.

Выбор той или иной лексемы для выражения определенного смысла может говорить об отношении говорящего или к ситуации, или к адресату. Часто выбор лексемы диктуется стилистическим «статусом» слова (нейтральный / стилистически сниженный / высокий стиль). Выбор слов с определенной стилистической коннотацией задает параметры общения.

Важный параметр, влияющий на организацию прагматического пространства, – это так называемое «понятие личной сферы», а именно употребление слов с положительной коннотацией применительно к «близким» (в переносном смысле) говорящему вещам, на которые он может распространить действие слов «мое», «мы» и т.д. В дискурсе говорящий довольно часто использует «инклюзивную стратегию», пытается добиться расположения слушателя, навязав ему место в своем «ближнем круге».

Примером такого навязывания могут служить речи политических деятелей, которые, обращаясь к аудитории, используют фразы типа: «мы с вами хорошо знаем», «как всем нам известно». При этом ассерция (то есть привнесение новой информации в общий фонд знания) выдается говорящим за пресуппозицию (то есть за «данное» общее знание, которым обладает слушающий и говорящий) [Кобозева 1986: 56].

Говорящий по-разному может использовать языковые средства для кодирования передаваемой информации. В качестве одного из средств языкового кодирования выступают дискурсивные маркеры. Дискурсивные маркеры наряду с прочими стилистическими средствами являются мощным инструментом воздействия на восприятие читателя и управления фокусом его внимания.

Можно говорить о том, что художественный текст имеет «внешнюю» и «внутреннюю» прагматику. Внешняя прагматика принадлежит тексту и задается его жанровой принадлежностью (это некие «правила», по которым выстраивается художественный, научный, информационный текст) [Van Dijk 1972: 328]. Внутренняя прагматика относится к содержанию текста, к отношениям между героями и между автором текста и читателем. Фигура автора может быть вписана в пространство художественного текста (и тогда появляется дополнительный прагматический пласт), а может быть выражена имплицитно, и тогда текст «рассказывается» как бы сам по себе, от лица невидимого Наблюдателя [Падучева 2008; Bross 2012]. Вне зависимости от того, выражена фигура автора эксплицитно или скрывается за безличным Наблюдателем нарратива, в тексте присутствует авторская модальность (его отношение к героям, к развитию ситуации).

Авторская модальность может выражаться разными путями, одним из показателей авторского отношения служат дискурсивные маркеры. Учитывая, что авторский текст интенционален по своей природе, (автор преследует определенные цели, порождая текст), можно видеть, как дискурсивные маркеры «работают» на авторскую стратегию. Предпочтения в использовании тех или иных единиц могут быть обусловлены содержанием текста, диалектными различиями, манерой авторского письма.

В данном разделе мы рассматриваем три художественных текста: главу из романа Шолом Алейхема «Тевье-Молочник и два рассказа И.-Л. Переца “Ojб ništ nox hexer” (‘Если еще не выше’) и “Bontšeshvajg” (‘Бонче-молчальник’). Эти тексты написаны в форме рассказа, то есть в рамках жанра, который имеет установку на завершенность художественного события. Шолом-Алейхем (1859-1916) и Ицхок-Лейбуш Перец (1852-1915) – классики еврейской литературы на языке идиш, носители украинского и польского диалекта идиша, соответственно.

Дискурсивные маркеры в рассказах «Бонче-Молчальник» и «Если еще не выше»

Рассказ “Ojб ništ nox hexer” (‘Если еще не выше’) представляет собой нарратив. Автор (говорящий) не вписан в сюжетное повествование и остается в качестве Наблюдателя «за кадром».

Дискурсивные маркеры распределены по тексту неравномерно. Наибольшая плотность употребления дискурсивных маркеров отмечается в экспозиции рассказа, где используются следующие маркеры: *avade un avade* ‘разумеется’, *ober* ‘однако’, *minhastam* ‘конечно’, *kenore* ‘чтоб не сглазить’, *nor* ‘только, но’, *nu* ‘ну’, *afile* ‘даже’,

šojn+efšer 'возможно уже', *zol lebn* 'да живет он', *dox+ober* 'но ведь'. Вопреки ожиданиям, в диалогах дискурсивные маркеры в данном произведении не встречаются.

Уже в названии рассказа используется частица *nox* 'еще', которая, являясь оттеночной частицей, функционирует в данном случае как дискурсивный маркер, заставляя читателя невольно искать ответ, почему использована данная усилительная конструкция. Автор дает ответ на свою «загадку» в последней фразе рассказа: *Un špeter, ojb a hosid hot a mol dertsejlt az der Nemirover rebe <...> jeden frimorgn flit zix aruf in himl arajn, flegt šojn der litvak ništ laxn, nor tsugebn štilerkajt: ojb ništ **nox** hexer* 'Позже, если какой хасид принимался рассказывать, что Немировский ребе каждое утро взлетает на небо, литвак уже не смеялся, а только тихо говорил: если **еще** не выше... '.

Дискурсивные маркеры присутствуют в основном в пассажах, принадлежащих Наблюдателю. Репрезентируя главного персонажа рассказа – (*a litvak*) литвака²², который проездом оказался во время праздников в хасидском местечке – Наблюдатель, до этого соблюдавший «нейтралитет» в отношении выражения своего отношения к ситуации, меняет тактику, и начинает обращаться напрямую к читателю: "*Ir kent dox di litvakes!*" 'Вы ведь знаете (этих) литваков!'. Очевидно, что высказывание автора (Наблюдателя) здесь не нейтрально.

Литваки славились своей ученостью и упрямством, и зачастую хасидам поведение литваков казалось заносчивым. Отсюда в целом негативная оценка появления литвака: "*Nu, gej spor zix mit a Litvak!*" 'Ну,

²² Литвак – здесь имя нарицательное. Литваки (идиш. Litvakes) – территориально-лингвистическая подгруппа ашкеназских евреев. Литваки принадлежали к ортодоксальному течению в иудаизме, которое противостояло движению хасадизма, распространившемуся в Польше и на территории Украины в 18 веке.

иди препирайся с литваком!». В данном случае действие дискурсивного маркера подкреплено использованием конструкции с квазиимперативом²³ глагола *gejen* 'идти' аналогичной конструкции трудновыполнимого действия представленной в русском языке сочетаниями типа «поди сделай X» (*поди знай, поди проверь*) [Баранова 2014: 99]. При этом высказывание является косвенным речевым актом. Буквальный смысл высказывания – побуждение к действию, однако конструкция с использованием частично десемантизированного глагола *gejen* 'идти', должна натолкнуть адресата (в данном случае, читателя) на мысль, что это высказывание не следует понимать буквально. Дискурсивный маркер *ni* сигнализирует, что направление развития дискурса должно измениться.

Действительно, приведенная фраза завершает пассаж. Грамматически смена пассажа маркирована также сменой времени повествования с настоящего времени на настоящее историческое – происходит смена речевых режимов [Падучева 2008]. В нарративных пассажах наиболее частотным является использование дискурсивных маркеров *in* 'и', *ober* 'или', *nor* 'только', 'однако', *šojn* 'уже'. Маркеры используются как «направляющие» текста, оформляющие логические переходы.

Наиболее частотное использование лексемы *in*, которую мы воспринимаем и как оператор-конъюнктор, и как оператор-дизъюнктор (в разных ситуациях). Об использовании союза 'и' в качестве дискурсивного маркера мы говорим в тех случаях, когда его

²³ В данном случае используется императив / квазиимператив глагола *gejen* в сочетании с возвратным глаголом *sparn zikh* 'толкаться, препираться, ругаться, спорить'. Такое сочетание наводит на мысль, что глагол *gejen* употребляется здесь в качестве вспомогательного, подобно тому как глагол *zajn* 'быть' используется в форме будущего времени: *du vest sparn zikh* 'ты **будешь** препираться' (вспомогательный глагол *vest (zajn)+ Inf.*). Такому предположению, однако, противоречит то, что форма *spor zix* – сам а по себе является императивом. К сожалению, в рамках данной работы не было возможности исследовать этот вопрос более детально.

использование выглядит немотивированным с точки зрения грамматики, ср.: /1/ *Jidelex darfn parnose, šalom, gezunt, viln zej gut un frum zajn*, /2/ **un** *zind zenen grojs*, /3/ **un** *der satan mit zajne tojznt ojgn kukt fun ejn ek biz tsvejter, un er zet*, /4/ **un** *farklogt*, /5/ **un** *masert...*/6/ **un** – *ven zol helfn ojb ništ der rabi?* ‘Еврейам нужен заработок, мир, здоровье, они хотят быть хорошими и религиозными, а грехи ведь велики, и дьявол смотрит своими тысячью глазами из одного угла мира в другой, и видит, и обвиняет и доносит... и кто поможет, если не рабби?’. В данном случае *un* используется как дискурсивный маркер. Между сегментами /1/ и /2/ *un* используется в качестве контрастива, между /2/ и /3/, /3/ и /4/, /4/ и /5/ – в качестве сочинительного союза, между /5/ и /6/-м сегментами – в качестве дискурсивного маркера-конъюнктора.

В тексте несколько раз встречается сочетание *zol lebn* ‘чтоб он жил’. По форме – это пожелание, выраженное при помощи оптатива. Выражение означает «да живет он!» и употребляется применительно к ребе²⁴. Такой речевой оборот является клишированным элементом и встречается в еврейской литературе начала 20 века.

В другом произведении И.-Л. Переца, «Бонче-молчальник», автор также присутствует как «голос за кадром», в качестве неявленного наблюдателя. Об авторском отношении к ситуации мы можем узнать лишь косвенно, в частности, по оттенкам значения, передаваемым дискурсивными маркерами. В этом тексте плотность дискурсивных маркеров существенно выше, чем в предыдущем. При этом прослеживается некая закономерность в их распределении: дискурсивные маркеры реже встречаются в момент развития действия.

²⁴ Ребе – духовный наставник в хасидизме.

Чаще они появляются в эпизодах размышления о положении вещей в мире, когда автор (невидимый наблюдатель) использует риторические ходы в рассуждениях о несовершенстве мира. Также дискурсивные маркеры усиления оттенков высказывания (*nor* 'только', *afile* 'даже', *dox* 'ведь', то есть группа В в нашей функциональной классификации) используются в ремарках автора (наблюдателя) к репликам персонажей.

В рассказе встречаются следующие дискурсивные маркеры: *tsi* 'или', *efšer* 'возможно', *afile* 'даже', *take* 'таки', *nor* 'только', *ojx* 'тоже', *nox* 'еще', *dox* 'ведь', междометие 'o!' (в диалоге), *in* 'и'. Дискурсивный маркер *nor* 'только' помимо выражения оттенков отношения говорящего также может использоваться при разметке дискурса на глобальном уровне: в начале пассажей. Например, в начале абзаца встречается такой оборот: **Nor** *ništ azoj iz geven af jener velt!* 'Но не так (по-другому) все было на том свете!'. *Nor* в данном случае отсылает читателя к предыдущему пассажи, указывая на контрастный характер вводимого блока информации.

Интерес представляют также случаи использования дискурсивного маркера *nor* 'только' как стилистического средства. Рассказ И.-Л. Переца «Бонче-молчальник» представляет собой историю жизни одноименного персонажа, изложенную весьма необычным способом. Рассказ начинается с сообщения о смерти главного героя. И.-Л. Перец кратко описывает незавидное положение своего героя при жизни, создавая мрачную картину обесцененности человеческой жизни – это экспозиция рассказа. Затем вводится контрастное описание того, как встречали умершего в «мире ином» (*jener velt*) (этот поворот сюжета помечен использованием

дискурсивного маркера *nu*). Дальнейшее действие рассказа представляет собой описание сцены небесного суда, на котором ангел-заступник (*melits-jojšer*) зачитывает речь, в которой описываются обстоятельства жизни героя. Речь обвинителя представляет собой монолог, который время от времени прерывается ремарками автора (наблюдателя), и репликами Президента (прокурора). В диалогических по своему характеру репликах Президента используется лексема *nor*: *der Prezident hot befejreš ojsgeruft "di dielo fun Bontše-švajg!", un, derlangengdik dem melits jojšer di akten, gezogt: "lez, **nor** bekitser!"* – ‘Президент четко произнес «Дело Бонче-молчальника» и, передавая Ангелу-заступнику акты, сказал: «Читай, только короче!»’. Далее он будет время от времени прерывать речь Ангела-заступника следующими репликами: **Nor** *on mašalim!* ‘Только без примеров!’, **Nor** *on realism!* ‘Только без реализма!’. Таким образом, употребление однотипных конструкций с использованием лексемы *nor* является стилистическим приемом, скрепляющим текст. Подобное использование данного элемента напоминает использование повторных номинаций в художественном тексте, где номинация, повторенная дважды и более, является средством создания когерентности текста. Дискурсивные маркеры в приведенном нами примере являются предметом виртуозной языковой игры, и здесь мы имеем дело с прагматикой текста. Это предположение находит подтверждение и в том, что Бонче помимо прочих ‘только’ (*nor*), к тому же еще и ‘только молчит’ (**nor** *er hot gešvign* ‘только он молчал’). Эта фраза является своеобразным рефреном, повторяясь на протяжении всего текста, она работает на целостность глобальной структуры дискурса, являясь одним из средств референции.

Подобным же образом в качестве структурообразующего элемента построения текста И.-Л. Перец использует в этом рассказе лексему *afile* 'даже'. Многократное повторение этой лексемы в сочетании с временным союзом *ven* 'когда' на протяжении всего рассказа является стилистическим и прагматическим приемом одновременно. Так, в начале рассказа, описывая героя, автор сообщает: *Afile ven* 'даже когда' (*Az **afile** ven er hot **nor šojn** kejn last nit af di plejtses, iz im **ojx** der kop tsu der erd gebojgn* 'Даже когда на его плечах не было ноши, его голова была склонена к земле'. Затем, во время сцены небесного суда, защитник, произнося речь перед судом, несколько раз произносит клишированную фразу: *Er hot alts gešvign. **Afile** ven ...* 'Он молчал, даже когда...' и дальше следуют факты из жизни Бонче-молчальника. Эти повторы создают эффект «саспенса», нагнетания тревожного ожидания.

Можно привести и другие примеры целенаправленного использования дискурсивных маркеров. Для создания определенного стилистического эффекта в данном рассказе также используются: *und-*инициальное для придания повествованию оттенка «эпического» повествования (см. выше) и другие средства. В целом, для рассмотренных текстов И.-Л. Перца не характерно имитирование разговорной речи. Дискурсивные маркеры в его текстах используются не только как стилистические, но и как композиционное средство.

Особенности употребления ДМ в романе Шолом-Алейхема «Тевье-молочник»

«Тевье-молочник» – одно из самых знаменитых произведений Шолом-Алейхема. Для данного исследования это произведение представляет особый интерес, поскольку в нем присутствует большое

количество дискурсивных маркеров и представлены самые разнообразные варианты их употребления. Мы обозначим лишь некоторые особенности употребления дискурсивных маркеров, встретившихся нам в первой главе романа, которая называется *Dos grojse gevins* 'Большой куш'.

Роман представляет собой цикл рассказов²⁵, объединенных наличием общего героя – персонажа по имени Тевье-молочник, фабулой и единым стилем изложения. Все рассказы построены в виде пространных монологов одного единственного рассказчика – Тевье, который зарабатывает себе на жизнь продавая дачникам из предместий Киева молоко и масло. У Тевье семь дочерей, их надо выдавать замуж, а это всегда непросто, а особенно нелегко приходится местечковому еврею без права на жительство в городах Российской империи. Об этом и повествует главный герой. Непосредственный адресат монологов Тевье – Шолом-Алейхем (именно так Тевье называет своего визави в предисловии). В кратком предисловии к рассказу Шолом-Алейхем сообщает: «Рассказано самим Тевье и записано слово в слово». Таким образом, с самого начала Шолом-Алейхем дает установку на то, что он будет воспроизводить устную речь Тевье. Он сознательно ставит себе задачу имитировать спонтанную разговорную речь.

Именно установка на имитацию устной разговорной речи обусловила высокую плотность дискурсивного маркирования. В среднем плотность дискурсивного маркирования составляет 5-6% от общего числа слов (мы учитывали количество дискурсивных маркеров в монологических отрезках текста, артикли не учитываются). В то же

²⁵ Роман создавался на протяжении тридцати лет (1885-1916). Изначально рассказы, публиковались как отдельные произведения в газетах и журналах и лишь впоследствии были объединены в единый текст.

время, в рассказе «Дрейфус из Касриловки» того же автора, процент дискурсивных маркеров составляет менее 3%, что типично для художественных текстов конца XIX – начала XX века. Мы посчитали также показатель маркирования для проанализированных выше рассказов И.-Л. Переца: доля дискурсивных маркеров в текстах составила около 3%. Возможно, такой высокий показатель плотности маркирования в “*Dos grojse gevins*” обусловлен тем, что текст написан от первого лица, однако это предположение нуждается в проверке на большой выборке текстов.

В дискурсивном плане для данного текста характерна сложная организация. Монолог содержит многочисленные вставки, отклонения от заданной темы, пересказ чужой речи, парафразы и цитаты из Танаха. По форме можно выделить: 1) монологическую речь, обращенную к публике (в данном случае к Шолом-Алейхему); 2) пересказ внутренних монологов (внутренняя речь Тевье, обращенная к самому себе: «конечно, думаю я, так я и дам вам водить меня за нос»; 3) диалогическую речь. В процессе порождения текста главный герой нередко отвлекается на побочные сюжеты. Для того, чтобы вернуть рассказ в нужное русло, автор (Шолом-Алейхем) использует наряду с лексическими средствами специфические формы глагола (причастия), дискурсивные маркеры: *bekitser*, фразему *Ve jihje hajom* (‘и был день’ – реминисценция к библейскому ивриту). Причем следует отметить, что лексема *bekitser* является наиболее частотным средством маркирования начала пассажа после отступления.

Мы обратили внимание так же на следующую особенность: дискурсивные маркеры в этом произведении часто появляются группами, дополняя иллокутивное действие друг друга, усиливая или

ослабляя иллокутивную модальность высказывания. Дискурсивные маркеры различных типов демонстрируют высокую степень сочетаемости. Так, маркеры-комментаторы, отсылающие к авторитетному источнику (маркеры литургического текста, в том числе), резюмирующие маркеры (*bekitser*), логические маркеры (*nu, nor*) хорошо сочетаются с оттеночными маркерами и с маркерами-экспрессивами: *Ix bin demolt geven gor ništ der, vos itster, dos heist, take der eigener Tevje, nor fort ništ der...* 'Я был тогда не тот, что сейчас, то есть, тот самый Тевье, но не совсем'. В то время как маркеры принадлежащие к одной группе почти не встречаются в одно клаузе.

Вероятно, можно говорить о том, что существуют некоторые правила сочетаемости. Например, одновременное присутствие в клаузе показателя достоверности (*efšer*) с оттеночным маркером (*šojn*), как правило, означает, что *šojn* употребляется не в дискурсивном значении. Наибольшую способность к сочетаемости демонстрируют лексемы: *dox* и *take*. Были выявлены следующие сочетания: *dox efšer, dox avade, gor efšer, nor mistome, take nor, fundestvegn take, šojn ojx*. Список этот, разумеется, не полный, и сочетаемостные свойства дискурсивных маркеров нуждаются в дальнейшем более подробном изучении.

Особое место в текстах Шолом-Алейхема (и, в частности, в анализируемом тексте) занимают дискурсивные фраземы – устойчивые словосочетания, такие как *kejnore* 'чтоб не сглазить', *xalile* 'упаси Бог', *lehavdl* 'не рядом будь помянут', *mirtsešem (im-jirtse-hašem)* 'с божьей помощью', *sonej tsion* 'враги Сиона', *zol lebn* 'чтобы ты жил', *zoln gezunt zajt* 'чтобы они были здоровы', *zogt ir* 'как вы скажете'. Устойчивый оборот *vi zogt ir* 'как говорится' (букв. 'как вы говорите') регулярно используется для того, чтобы ввести цитату на древнееврейском. Подобных оборотов в тексте Шолом-Алейхема содержится очень много. Такие вставки

– комментарии к содержанию высказывания – служат для автора (писателя Шолом-Алейхема) стилистическим средством создания образа местечкового еврея, речь которого изобилует импровизациями на тему религиозных текстов [Вайс 2008: 71]. Приведем примеры (жирным курсивом выделены интересующие нас дискурсивные маркеры):

(92) *A mentš horevet, vert ojsgerisn, hotš nem lejg zix, **sonej tsion, un štorb!***

‘Человек трудится, надрывается, хоть ложись – **врагам бы Сиона (такую участь)! – да помирай!**’

(93) *Un dermit gej halt ojs, **kejnore**, aza štub mit pikers, **zoln gezunt zajn**, mit,*

*lexavdl, a ferd af kest, vos vil ništ visn, vos Raši maxt, badarf kajen ale tog, **gor an a šum tirets.*** ‘И к тому же, изволь содержать такой дом, **чтоб не**

сглазить, с едоками, **чтоб они были здоровы**, да (еще) и, не рядом будь помянута, лошадь в стойле, которая знать не хочет, что там Раши²⁶ говорил, а корми ее каждый день, и без всяких отговорок!’

Как уже было отмечено, Шолом-Алейхем сознательно ставил себе задачу имитировать спонтанную речь простого еврея, наполненную поговорками, экивоками, отступлениями от темы. В то же время Шолом-Алейхем не задавался целью копировать устную речь, он создает художественное пространство, где многие черты утрированы и подчинены задаче художественного изложения. В частности, Шолом-Алейхем подмечает такую особенность устной речи, как изобилие «паразитарного» материала – частиц, самоперебивов, отклонений от темы. Постоянное употребление вставок (которые напоминают формулы-эпитеты из традиционных текстов) сближает функционирование упомянутых выше вставок с паразитарным материалом.

²⁶ Имеются в виду комментарии Раши к религиозному тексту ТАНАХа.

Создавая столь протяженный монолог, Шолом-Алейхем успешно избегает монотонности, вставляя цитаты на древнееврейском, маркеры-комментаторы. С точки зрения внешней прагматики (прагматики текста), такие вставки являются средством регулирования скорости подачи информации и управления фокусом внимания. Кроме того, использование специфических для идиша вставок – «литургических маркеров» позволяет автору имплицитно вводить в текст культурные коды, которые легко прочитываются носителями еврейской культуры и создают эффект «национального колорита» для носителя иной культурной традиции. С точки зрения внутренней прагматики высказывания, говорящий – Тевье, используя дискурсивные маркеры – «литургические» вставки, 1) снимает с себя ответственность за истинность высказывания; 2) пытается убедить слушателя в обоснованности своих заявлений; 3) внушает слушателю определенную схему координат своего восприятия мира (слова-вставки и выражения-вставки в данном случае несут положительную и отрицательную коннотацию).

В целом, можно говорить о том, что дискурсивные маркеры относятся к «приемам непрямого воздействия на слушающего / читателя» [Булыгина, Шмелев 1997: 461] и являются эффективным прагматическим и стилистическим средством.

Выводы по 3 главе

В третьей главе в соответствии с поставленной задачей была предложена классификация дискурсивных маркеров на основании функционально-семантического принципа. Было выделено шесть характеристик для распределения дискурсивных маркеров по группам: наличие / отсутствие в семантике субъективного компонента, наличие шкалы оценки, экспрессивность, присутствие в семантике субъекта речи, способность выявлять логические отношения между блоками информации (цепочками рассуждений) и способность выявлять логическое соотношение между выделенным блоком информации и текстом в целом. В результате мы разделили маркеры на маркеры логической разметки и маркеры-комментаторы.

Кроме того, было выделено два уровня функционирования дискурсивных маркеров: метатекстовый и контекстный. «Метатекстовые» маркеры помечают границы между блоками информации, обеспечивая связность текста, «контекстные» маркеры действуют внутри блоков информации (цепочек рассуждений), обеспечивая оценочный комментарий высказывания и смысловую связность между элементами высказываний (функционируя как референциальное средство). Было описано функционирование дискурсивных маркеров с точки зрения прагматики. Было обнаружено, что некоторые маркеры остаются нейтральными к контексту высказывания, в силу чего прагматический аспект их использования должен оцениваться с точки зрения прагматики текста, а не с точки зрения прагматики отдельного высказывания.

На примере трех текстов (главы из романа Шолом-Алейхема «Тевье-молочник» и двух рассказов И.Л. Переца) были проанализированы некоторые авторские стратегии использования дискурсивных маркеров в художественном тексте. Анализ показал, что существуют определенная специфика использования дискурсивных маркеров в художественном тексте. А именно: в ряде случаев авторы сознательно прибегают к утрированно-частотному повторению одних и тех же конструкций или языковых единиц для отсылки читателя к предыдущему разделу текста. Такое использование дискурсивных маркеров позволяет рассматривать их как референциальное средство, позволяющее актуализировать ассоциативные связи и поддерживать смысловое единство текста. Выбор дискурсивного маркера определяется, главным образом, стилистикой текста и авторскими предпочтениями. В произведении «Тевье-Молочник» Шолом-Алейхем использует специфические формулы-эпитеты (*lehavdl* 'не рядом будь помянут', *mirtsešem* 'слава богу'), которые в результате частотного употребления превращаются в «паразитарный» материал и функционируют как дискурсивные маркеры, проявляя отношение говорящего к ситуации и позволяя, таким образом, реконструировать ценностную шкалу картины мира говорящего.

Заключение

Язык идиш обладает богатым набором средств дискурсивного маркирования: инверсия, лексическое маркирование, специфические грамматические конструкции. В нашей работе было дано описание дискурсивных маркеров языка идиш, имеющих лексическую экспликацию в виде устойчиво употребляемых в этом качестве лексем и словосочетаний с точки зрения их семантики и прагматики.

В первой главе были рассмотрены основные проблемные вопросы, связанные с изучением и описанием дискурсивных маркеров. Рассмотрено несколько классификаций дискурсивных маркеров на материале английского, немецкого и русского языков. Сформулированы основные принципы классификации дискурсивных маркеров и определены критерии, которые позволяют отнести языковой элемент к классу дискурсивных маркеров. Обсуждались дискуссионные теоретические вопросы функционирования дискурсивных маркеров в письменном и устном дискурсе, а также проблема соотношения семантики и прагматики этих языковых единиц.

В качестве исходной точки исследования мы приняли ряд критериев, которые позволили идентифицировать языковые единицы как дискурсивные: 1) действие дискурсивного маркера распространяется более чем на одну клаузу; 2) дискурсивный маркер не оказывает влияния на пропозицию, присутствие дискурсивных маркеров носит факультативный характер; удаление дискурсивного маркера из предложения не приводит к неграмматичности и не меняет значения пропозиции; 3) дискурсивный маркер может выражать отношение говорящего к ситуации.

Анализ существующих в лингвистической литературе теорий позволил нам сделать следующий вывод: классификация дискурсивных

маркеров должна проводиться на основе функционального принципа, однако сила традиции такова, что при первичном описании инвентаря дискурсивных маркеров нам не удалось отказаться от традиционного частеречного деления.

Во второй главе был представлен выявленный на основании лексикографических источников и Корпуса языка идиш инвентарь дискурсивных маркеров. Для двадцати лексем было составлено пословное описание и приведены контексты, выявляющие разные грани их значений. При описании лексических единиц, выступающих в качестве дискурсивных маркеров, особое внимание уделялось проблеме разграничения дискурсивного и дискретного употребления лексических единиц. Для отдельных лексем были выявлены закономерности позиционного расположения, влияющие на модификацию значения (*nor* ‘только’ vs. *nor*-инициальное ‘но, однако’; *in*-инициальное, где *in* при дискурсивном употреблении сохраняет функции союза; *šojn* ‘уже/ уж’ vs. *šojn*-обособленное (‘итак, поэтому’); дискурсивная специализация значений для лексем *eršt* ‘первый’ и его предложно-суффиксальные сочетания vs. *eršt* ‘только’, *gevejtlex* ‘обычно’ vs. ‘конечно’). Дискурсивные маркеры также рассматривались с точки зрения теории грамматикализации.

В третьей главе была предложена собственная классификация дискурсивных маркеров на основе функционально-семантического принципа. Было выделено два уровня функционирования дискурсивных маркеров: метатекстовый и контекстный. «Метатекстовые» маркеры помечают границы между блоками информации, обеспечивая связность текста, «контекстные» маркеры действуют внутри блоков информации (цепочек рассуждений), обеспечивая оценочный комментарий высказывания и смысловую связность между элементами высказываний (функционируя как референциальное средство).

Среди «контекстных маркеров» было выделено три группы: 1) маркеры, помечающие начало и конец блока информации (под которым мы понимаем цепочку рассуждений на одну тему; зачастую они пересекаются с группой коннекторов глобальной разметки, выполняя одновременно две функции); 2) метатекстовые маркеры-комментаторы, имеющие в семантике указание на субъекта речи (маркеры с эпистемической модальностью ('возможно, вероятно'), маркеры-эвиденциальности ('якобы'), вводные слова и выражения (*vi zogt ir* 'как говорится'), и специфические идишские маркеры-пожелания); 3) оттеночные маркеры (дискурсивные частицы).

Предложено описание функционирования дискурсивных маркеров с точки зрения прагматики. Было отмечено, что прагматика может быть «внешняя» (прагматика текста) и «внутренняя» (прагматика высказывания). Роль дискурсивных маркеров с точки зрения «внутренней» прагматики была охарактеризована с точки зрения того вклада, который дискурсивные маркеры привносят в развитие дискурса / ситуации, корректируя восприятие слушающего и выявляя истинные интенции говорящего в косвенных речевых актах. «Внешняя» прагматика – прагматика текста, задаваемая автором произведения. Помимо «законов» избранного жанра, в рамках которого создается произведение, автор при порождении текста имеет творческую интенцию. В этом отношении дискурсивные маркеры служат стилистическим средством. На примере избранных художественных произведений были рассмотрены случаи сознательного использования авторами дискурсивных маркеров в качестве стилистического средства.

Результаты исследования показали, что семантические и прагматические свойства дискурсивных маркеров невозможно отделить от тех функций, которые они выполняют в дискурсе. Как и во многих языках народов Европы, ядро класса дискурсивных слов в идише образуют частицы

и вводные слова. Специфику словарного состава определяет компонентная природа идиша. При анализе прагматической составляющей необходимо учитывать как «внешнюю» прагматику текста, обусловленную авторским замыслом, так и «внутреннюю» прагматику, выводимую из контекста высказывания. В целом, мы пришли к выводу, что для исследования прагматических аспектов необходимо создавать подкорпусы текстов, которые позволяли бы учитывать такие параметры, как жанровые особенности, режимы интерпретации и т.д. В перспективе представляется необходимым создание словаря дискурсивной лексики языка идиш, в котором было бы представлено комплексное описание этих единиц с учетом их семантической и прагматической составляющей.

Приложение 1

Варианты классификаций дискурсивных маркеров.

Автор Параметры классификации/	1. Д. Шифрин	2. Б. Фрейзер	3. Д. Блейкмор	4. Г. Цифонун (Г. Дивальд)
Принятый термин	дискурсивные маркеры	прагматические маркеры	коннективы, дискурсивн. маркеры	Модальные частицы, дискурсивные частицы
Языковой материал	Англ.яз	Англ.яз	Англ.яз	Немецк. язык
Характеристика и роль дискурсивных маркеров	Способность обеспечивать когеренцию между соседними высказываниями	Дискурсивные маркеры - указывают на тип соотношения, комментируют содержание дискурса.	"Процессуальные маркеры", ограничивающие возможные интерпретации контекста	Использование дискурсивного маркера придает окраску контексту
Явления, включаемые в класс ДМ	Союзы, частицы, наречия, вводн. слова; невербальные средства	Очень широкий круг вербальных средств: от наклонения глагола, до ДМ	Частицы, наречия, вводные слова и обороты, междометия	Частицы, наречия

Классификация дискурсивных маркеров.	1) соч. и подч. союзы <i>and, but, or, because</i> 2) темпоральн. и союзн. наречия <i>now, then, so</i> 3) частицы <i>oh, well</i> 4) вводн. предл. <i>you know, I mean</i>	1) Базовые: <i>could you, would you</i> , прагматические идиомы 2) Комментирующие: <i>fortunately, (possibly, they say, I heard, that; if I am not mistaken, If you do not mind</i> 3) Параллельные: вокативы, маркеры неудовольствия, маркеры солидарности: <i>my dear, frankly speaking</i> 4) Дискурсивные маркеры: <i>but, however, although; in other words, more than that, particularly, also, and, or; that is why, so, accordingly</i>	1) <i>so, therefore, too, also</i> – указывают на присутствие импликаций; 2) <i>after all, moreover, furthermore</i> - усиливают утвержд. 3) <i>however, still, nevertheless, but</i> - указание на контрастивность 4) <i>however, still, nevertheless, but</i> -указ. на роль текущего высказывания по отношению к дискурсу	1) Модальные частицы – выражающие отношение к полученной информации: <i>eben, vielleicht, ja</i> 2) Фокусные частицы – выделяют фрагмент в высказывании: <i>ausgerechts, sogar, vor allem</i> 3) Интенсификаторы - <i>recht, sehr, ungemein, weitaus</i> 4) Частицы-связки – соотносят пропозицию с предшествующей пропозицией – <i>erstens, allerdings, dennoch, indessen, sonst, zwar.</i>
---	--	--	---	---

Продолжение таблицы

Параметры классификации / Автор	5. В.В. Виноградов	6. Группа К.Л. Киселевой и Д.Пайара	7. Ю.С. Рец
Принятый термин	Модальные слова и модальные частицы	Дискурсивные слова	Дискурсивные маркеры
Языковой материал	Русский язык	Русский язык	Идиш
Характеристика роли дискурсивных маркеров в дискурсе	Модальные слова и частицы – лексико-семантический разряд слов, предназначенный для выражения модальных отношений.	ДС устанавливают типы отношений между составляющими дискурса: логические, эмоциональные, эпистемические	ДМ –размечают структуру дискурса, вырывают отношение говорящего в ситуации,
Явления, включаемые в класс ДМ	Частицы, наречия, вводные слова и обороты;	Частицы, наречия, вводные слова и обороты, междометия	Разнородные лексические единицы и выражения, способные регулярно выполнять функцию разметки дискурса: частицы,междометия, союзы, вводные слова и обороты

<p>Классификация дискурсивных маркеров.</p>	<p>12 разрядов модальных частиц: 1) Мод. слова и частицы, обозначающие передачу чужой речи: <i>мол, де, дескать, слышно, как говорится</i> 2) Оценка стиля выражения: <i>откровенно говоря, буквально, так сказать, коротко говоря</i> 3) фразовые клише: <i>не в обиду будь сказано, шутка сказать</i> 4) эмоционально-волевое отношение к предмету сообщения: <i>чего доброго, право, как-никак;</i> 5) Модальность суждения: <i>понятно, несомненно, может быть, в самом деле</i> 6) Отношение текущего отрезка речи к целому высказыванию: <i>в конце концов, в частности, главное</i> 7) Обозначающие порядок движения: <i>во-первых, во вторых</i> 8) Субъективная внезапность припоминания: <i>кстати! заодно, к тому же</i> 9) "Сравнительные" частицы: <i>как будто, как бы, точно</i> 10) диалогические слова привлечения внимания собеседника: <i>видишь, видишь ли, смотри</i> 11) количественное обозначение степени: <i>самое большее, едва ли не</i> 12) гибридные типы слов: <i>ей-богу, слава богу, шут знает</i></p>	<p>1) «Элемент-множество». К этому классу относятся слова, сопоставляющие элемент и множество элементов: <i>только, всего лишь, всего-навсего; по крайней мере</i> 2) «Реализация». Слова, вводящие в рассмотрение несколько реализаций одного положения вещей: <i>снова, вновь, заново, опять, еще раз, опять же, опять-таки; наоборот,</i> 3) «Установочная база»: <i>кстати, впрочем, кроме того, да и, все же, все-таки, таки, все равно, как раз, именно.</i> 4) «Гарант»: <i>небось, авось, пожалуй, что ли, конечно, разумеется, естественно; разве, неужели.</i></p>	<p>Метатекстовые дискурсивные маркеры: 1) маркеры линейной разметки (tsum erst ‘’, tsvejtns ‘’) 2) резюмирующие маркеры der iker ‘’, bekitser ‘’; 3) маркеры глобальной и логической разметки (союзы <i>por, ober, un</i>) Контекстно-зависимые маркеры: 1) маркеры достоверности <i>efsher ‘’, mistome ‘’</i> 2)оттеночные маркеры (как правило модальные частицы); 3)маркеры – экспрессивы</p>
--	---	---	--

Список использованной литературы

1. Апресян 1995 – Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Избр. Труды. Т.1. М.: Языки русской культуры, 1995.
2. Банно, Кодзасов 1998 – Банно К., Кодзасов С.В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линейаризацию и интонирование // Киселева К.Л., Пайар Д. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического анализа. М.: Метатекст, 1998. С. 382-443.
3. Баранов 2007 – Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007.
4. Баранов, Плунгян, Рахилина 1993 – Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993.
5. Баранова 2014 - Баранова В. В. Поди знай, что это значит: конструкция трудновыполнимого действия поди VIMPER // Acta linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. X. Вып. 2. СПб.: Наука, 2014. С. 99-120
6. Богуславский 1996 – Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
7. Булыгина, Шмелев 1997 – Булыгина Т. В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997
8. Вайнрайх 1979 – Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев: изд-во Наука, 1979.
9. Вайс 2008 – Вайс Р. Современный еврейский литературный канон. М.-Иерусалим: Мосты культуры, 2008.
10. Виноградов 1947 – Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.-Л.: Учпедгиз, 1947.

11. Грайс 1985 – Грайс Г. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 217-237.
12. Дараган 2000 – Дараган Ю.В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды Международного Семинара Диалог 2000 по компьютерной лингвистике. Т.1. М.: Протвино, 2000. С. 67-73.
13. Кибрик 2009 – Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания, М. Издательство РАН. 2009, №2. С. 3-21.
14. Кибрик, Подлесская 2006 – Кибрик А.А., Подлесская В.И. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // Когнитивные исследования (сб. научн. трудов). М.: Издательство «Институт психологии РАН». Вып. 1. С. 138-158.
15. Киселева, Пайар (ред.) 1998 – К. Киселева, Д. Пайр (ред.). Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М.: Метатекст, 1998.
16. Клейнер 2007 – Клейнер Ю.А. Междометия и частицы // Типология языка и теория грамматики. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Соломона Давидовича Кацнельсона. 27 – 29 ноября 2007 г. СПб.: «Нестор-История», 2007. С. 98 – 100.
17. Кобозева 1986 – Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности. Вступительная статья // Новое в зарубежной лингвистике Вып. XVII: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 7-21.
18. Козулева, Федченко 2013 – Козулева А., Федченко В. Бер Борохов. «Задачи еврейской филологии». Перевод и краткий филологический комментарий к статье // Еврейская речь. СПб.: Издательство «Академия исследований культуры». 2013. Вып. 1. С. 40-65.

- 19.Кустова 2012 – Кустова Г.И. Об иллокутивной фразеологии. Смысл, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб.ст. в честь 80-летия И.А. Мельчука. ЯСК Москва: Языки славянской культуры, 2012. С. 349-366.
- 20.Левонтина 2008 – Левонтина И.Б. Загадки частицы уж // Труды международной конференции «Диалог 2008». М., 2008. С. 306-310.
- 21.Малов, Горбова 2007 – Малов Е.М., Горбова Е.В. Дискурсивные слова в русской разговорной речи (на материале анализа спонтанной разговорной речи) // Труды первого междисциплинарного семинара «Анализ разговорной русской речи («АРЗ – 2007»)). СПб. 2007. С. 31-37.
- 22.Массалина 2009 – Массалина И.П. Военно-морской текст в аспекте специфики военно-морской коммуникации // Вестник МГОУ. Сер. «Лингвистика». 2009, №2. С. 66-71.
- 23.Падучева 1974 – Падучева Е.В. Тоже и также: взаимоотношение актуального членения и ассоциативных связей // Институт Русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Вып. 55. М., 1974.
- 24.Падучева 1996 – Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.
- 25.Падучева 2008 – Падучева Е.В. Дискурсивные слова и категории: режимы интерпретации // Грамматические категории в дискурсе. Исследования по теории грамматики. М., изд-во РАН, 2008. С. 56-86.
- 26.Падучева 2016 – Падучева Е.В. Модальность // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики <http://rusgram.ru/>
[Модальность](#)

- 27.Плунгян 2008 – Плунгян В.А. Предисловие: Дискурс и грамматика // Грамматические категории в дискурсе. Исследования по теории грамматики. М., изд-во РАН, 2008. С. 7-36
- 28.Плунгян 2011 – Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику. М., РГГУ, 2011.
- 29.Правикова 2004 – Правикова Л.В. Современная теория дискурса: когнитивно-фреймовый и аргументативный подходы. Пятигорск: ПГЛУ, 2004
- 30.Стародумова 1997 – Стародумова Е.А. Русские частицы (письменная монологическая речь). Автореф.дис. на соискание степени докт.филол.наук. М., 1997
- 31.Томмола Х. Прямо прямо идет, а с нею не разминешься (о статусе дискурсивных слов и частиц) //Slavica Helsingiensia. 2008. №35. С. 410-420. <http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia/preview/sh35/pdf/36.pdf>
- 32.Урысон 2007 – Урысон Е.В. «Уже» и «уж»: вариативность, полисемия, омонимия? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2007». Бекасово, 2007. С. 531-542
- 33.Федченко 2013 – Федченко В.В. Идиш-русская / украинская / белорусская лексикография: новый этап // Народ книги в мире книг. Санкт-Петербург, 2013.
- 34.Шведова (ред.) 1980 – Русская грамматика. М.: Наука, 1980.
- 35.Abraham 1991 – Abraham W. Discourse Particles. Amsterdam: John Benjamins, 1991.
- 36.Aijmer 2002 – Aijmer K. English discourse particles. Evidence from a corpus. Amsterdam: John Benjamins Publ., 2002.

37. Blakemore 2002 – Blakemore D. *Relevance and Linguistic Meaning: The Semantic and Pragmatics of Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002
38. Bross 2012 – Bross F. German modal particles and the common ground // *Helikon. A Multidisciplinary online Journal*. 2012, №2. Pp. 182-209.
39. Diewald 2007 – Diewald G. “Same same but different” – Modal particles, discourse markers and art (and purpose) of categorization // *Discourse Markers and Modal Particles. Categorization and description*. (ed.) Degand L., Cornielle B., Pitrandea P. Amsterdam: John Benjamins Publ., 2007. Pp. 19-47.
40. Erman 1987 – Erman B. *Pragmatic expressions in English: A study of you know, you see and I mean in face-to-face conversation*. Acta Universitatis Stockholmiensis, Stockholm Studies in English 69. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1987.
41. Fraser 1996 - Fraser B. Pragmatics Markers // *Pragmatics*, 1996 (Vol.6), №2. Pp.167-190.
42. Fraser 1999 – Fraser B. What are discourse markers? // *Journal of Pragmatics*. 1999. №31. Pp. 931-952.
43. Gazdar 1979 – Gazdar G. *Pragmatics: Implicature, Presupposition and Logical Form*. New-York, 1979.
44. Grice 1975 – Grice H.P. *Logic and Conversation* // *Syntax and Semantics*. 1975. Pp. 41-58.
45. Helbig 1988 – Helbig G. *Lexicon deutscher Partiklen*. Verlag Enzyklopädie, 1988.
46. Jacobs 2005 – Jacobs N. *Yiddish. A Linguistic introduction*. Cambridge university press, 2005.

47. Jucker 1993 – Jucker A.H. The discourse marker well: A relevance-theoretical account // *Journal of pragmatics* 19 (5) 1993. Pp. 435-452.
48. Jucker, Ziv 1998 – Jucker A.H., Ziv Y. *Discourse markers Descriptions and theory*. N.-Y.: John Benjamins Publishing, 1998.
49. Kahan Newman 2015 – Kahan Newman Z. *Discourse markers in the Narratives of New-York Hasidim: more V2 Attrition* // *Germanic Heritage Languages in North America: acquisition, attrition and change. Studies in Language Variation*, 18). New-York. J. Benjamins Publishing Company. 2015. Pp. 178-198.
50. Kaufman, Thomason 1988 – Kaufman T., Thomason S.G. *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. University of California Press, 1988.
51. Knott, Dale 1994 – Knott A., Dale R. *Using Linguistic Phenomena to Motivate a Set of Coherence Relations* // *Discourse processes*. 1994. Vol. 18. №1. Pp. 35-62.
52. König 1997 – König E. *Zur Bedeutung von Modalpartikeln im Deutschen: Ein Neuanfang im Rahmen der Relevanztheorie* // *Germanistische Linguistik*. 1997. Pp. 57-75.
53. Labov & Fanshel 1977 – Labov W. & Fanshel D. *Therapeutic discourse: Psychotherapy as conversation*. New York: Academic Press, 1977.
54. Levinson 1983 - Levinson S.C. *Pragmatics*. Cambridge University Press, 1983.
55. Lyons 1977 – Lyons J. *Semantics*. Cambridge University Press, 1977. Vol. 2.
56. Matras 2009 – Matras J. *Language contact*. Cambridge University Press, 2009.

- 57.Redeker 1990 – Redeker G. Ideational and pragmatic markers of discourse structure //Journal of Pragmatics. 1990. Vol. 14, (3). Pp. 367-381.
- 58.Reershemius 2001 – Reershemius word order in Yiddish narrative discourse // Journal of Pragmatics, 2001, vol.33, no.9. Pp. 1467-1484.
- 59.Schiffrin 1988 – Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge University Press, 1988.
- 60.Schildt 1989 – Schildt J. Modalwörter im Frühneuhochdeutschen. Die Entwicklung ihres Bestandes // Neuere Forschungen zur historischen Syntax des Deutschen. Tübingen, 1989. Z. 153 -162.
- 61.Schourup 1999 – Schourup L. Discourse markers // Lingua. Vol. 107. №3-4. Apr 1999. Pp. 227-265.
- 62.Sperber, Wilson 1986 – Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. Oxford: Blackwell, 1986
- 63.Stalnaker 1978 – Stalnaker R. Assertion // Syntax and Semantics 9: Pragmatics. N.-Y., Academic Press, 1978. Pp. 72-92.
- 64.Traugott 1995 – Traugott E. The role of the development of discourse markers in a theory of grammaticalization. Manchester, Paper presentation of ICHL XII 1995.
- 65.Van Dijk 1972 – Van Dijk T. Some aspects of text grammars. A study in theoretical poetics and linguistics. The Hague: Mouton, 1972.
- 66.Zeevat 2003 – Zeevat H. Particles: Presupposition Triggers, Context Markers or Speech Act Markers // R. Blutner & H. Zeevat (eds.), Optimality Theory and Pragmatics. Palgrave-McMillan. Pp. 91-111.
- 67.Zifonun 1997 – Zifonun G., Hoffman L., Stecker B. Grammatik der deutschen Sprache. Band 3. Berlin/ New York: de Gruyter, 1997.
- 68.Zwicky, Pullum 1983 – Zwicky A., Pullum G. Cliticization versus inflection. English n' t' // Language. 1983. №59. Pp. 502-513.

Словари и справочные материалы.

1. Апресян 1995 (ред.) – Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации // Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В. Новый объяснительный словарь синонимов. М.: Русские словари, 1995.
2. Сандлер 2001 – Сандлер С.А. Учебник языка идиш. М.: РГГУ, 2001.
3. Тищенко 2013 – Тищенко Д.В. Идиш-русский словарь. Киев: Арт Економі, 2013
4. Шапиро 1989 – Русско-Еврейский (идиш) словарь. М.А. Шапироб И.Г. Спивак, М.Я. Шульман (ред.), М., 1989
5. Harkavy 1988 - Yiddish-English-Hebrew Dictionary (by A. Harkavy). New-York: Schocken books, 1988.
6. Jastrow 1971 – Jastrow M. A dictionary of Targumim, the Talmud Babli and Jerushalmi. N.-Y.: Judaica Press, 1971.
7. Katz 1987 – Katz D. Grammar of the Yiddish Language. London: Duckworth, 1987.
8. Lexers 1956 – Lexers M. Mettelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Leipzig: S. Hirzel Verlag Leipzig, 1956.
9. Mark 1978 – Mark J. Gramatik fun der Jidisher Klal-shprax. N.J.: Alveltlexer jidisher kultur-kongres, 1978.
10. Niborski 1997 – Niborski J., Nojberg Sh., Krinitska N. Verterbux fun loshen-kojdesh-shtamike verter in jidish. Paris: Medem-Bibliotek, 1997.
11. Niborski, Vaisbrot 2011– Niborski J., Vaisbrot B. Dictionnaire Jiddish-Français. Paris: Bibliothèque Medem. 2011.
12. Schaechter 2003 – Schaechter M. Jidiš tsvej: a lernbux far mitndike un vajthalters. N.J.: Jiddish Language Research Center, 2003.

13. Weinreich 1977 – Weinreich U. Modern English-Yiddish Yiddish-English Dictionary. New York: Schocken, 1977.

Источники языкового материала

КЯИ – Корпус языка идиш

http://web-corpora.net/YNC/search/?interface_language=ru

Тексты для подкорпуса:

1. Katz D. Misnagdiše majses. (Кац Д. Предания миснагедов). Jerusalem: Yerushalaymer Almanach Press, 1996.
2. Mendele Mojxer-Sforim. Di alte majse (Менделе Мойхер-Сфорим. Старая сказка) // Yiddish Book Center's Spielberg Digital Yiddish Library <https://archive.org>
3. Opatošu J. Moris un zajn zun Filip. (Й. Опатошу. Морис и его сын Филипп) // Yiddish Book Center's Spielberg Digital Yiddish Library <https://archive.org>
4. Perets I.-L. Bontše-švajg. (И.-Л. Перец. Бонче-молчальник). // Yiddish Book Center's Spielberg Digital Yiddish Library <https://archive.org>
5. Perets I.-L. Ojb ništ nox hexer. (И.-Л. Перец. Если еще не выше) // Yiddish Book Center's Spielberg Digital Yiddish Library <https://archive.org>
6. Sandler B. Draj хейн-pintlex (Б.Сандлер. Три родинки) // The Forward. 21.05.2015 <http://m.yiddish.forward.com>
7. Sandler B. Slimazl un rojte kadillak (Б. Сандлер. Шлимазл и красный кадиллак) // The Forward. 21.05.2015 <http://m.yiddish.forward.com>

8. Sholom-Aleichem. Tevje der milxiker. (Шолом-Алейхем. Тевье-Молочник) //Ale verk fun Sholom-Aleykhem. 1859-1916. B. III. Buenos-Ayres, 1952.
9. Sholem-Aleichem. Ven ix bin Rotšild. (Шолом-Алейхем. Будь я Ротшильд). Yiddish Book Center's Spielberg Digital Yiddish Library <https://archive.org>